

Александр Уралов
Светлана Рыжкова

Невы Тасногни
DOMINI CANES

Аннотация

Роман в двух книгах — результат совместного литературного творчества уральских прозаиков.

Увлекательная история, написанная в жанре мистического триллера, может быть рекомендована к разной читательской аудитории — в равной степени и мужской, и женской. Книга предназначена для серьёзного читателя, которого привлекает сплав фантастики и реальности, психологические коллизии и увлекательный динамизм сюжета. Авторы ведут повествование с разных точек зрения своих героев — мужской, женской и даже детской.

Международная научная комиссия (МЕНАКОМ), призвана ответить на главный вопрос — в чём сущность необычайного природного явления. Существует ли угроза уничтожения всей планеты?

Линии судеб самых разных людей сходятся в одной точке, где происходит очередная битва добра со злом. Вовлечённые в неё персонажи — самые обычные люди. Битый жизнью Илья, таинственный и добродушный увалень Сашка, оторва-старшеклассница Мёрси и романтическая дама бальзаковского возраста Анна — и есть подлинные "Псы Господни", которых Бог спустил

на Своего врага, как врага рода человеческого. У них нет выбора — лишь бы подобраться к врагу и рвануть его своими клыками, пусть у некоторых они стерты и изъедены кариесом.

Эти люди — не боги и даже не демоны. Они пытаются существовать, как и раньше: есть, пить, грешить потихоньку, чуть-чуть творить добро и надеяться на милость и прощение. Но дьявол в хитрости и гневе сошел к ним, и теперь от их выбора между добром и злом, балансируя между верой и богохульством, между активной жизненной позицией и желанием уйти от проблем зависит судьба мира. Или они так думают.

Александр Уралов, Светлана Рыжкова Псы Господни

*«Когда говорит он ложь, говорит своё;
Ибо он ложь и отец лжи».*
(Иоанн VIII, 44)

ПРОЛОГ

Маленькая смешная планета Земля. Влажный каменистый шарик с копошащимися комочками слизи на поверхности. Со взлётами духа и падениями нравов, с цепким умом некоторых и таким трогательным невежеством остальных...

Тысячелетия глупости и страха.... теперь он был *готов* принять всё это.

Его время пришло.

Время новых богов.

...о, эти страхи, их жестокая непреклонность, их предвкушение мучительного зла...

...это Нечто, облизывающееся во мгле...

КНИГА 1

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Сашка

— Смотри, Сашка-дурачок куда-то воздух режет! Попилил, попил! Эй, Сашка, собака рычит! Собаки за тобой гонятся! Р-р-р! — кричат мне дети, которые курят за школой.

Хитрые обезьяньи лица белеют в тени тополя. Я знаю, что они хотят обмануть меня, но невольно ускоряю шаг. Ладони сразу становятся мокрыми.

— Стоять! Я кому сказал — стоять!

Я горблюсь и почти бегу. Они могут бросить мне камень в спину. В полиэтиленовом пакете, на котором написано «ТЦ «КИТ» болтаются бутылки. Они звякают и больно бьют меня по колену, потому что я изо всех сил прижимаю локти к бокам. Так неудобно бежать, но я всё-таки бегу, втянув голову в плечи. Огромная и неуклюжая тень бежит впереди меня, и я начинаю плакать, потому что боюсь наступить на неё и тогда... и тогда случится страшное...

Всё что угодно может случиться, да!

Они кидают мне вслед камень, но он

пролетает мимо. Больше они не кинут — я уже на проезжей части улицы, где растянулась автомобильная пробка! Они испугаются, что могут попасть в пыльное стекло дорогой машины «Опель» и тогда водитель выскочит на раскалённый майским солнцем асфальт и выдавит им глаза. Я знаю, я уже видел это, я уже видел это! Тогда, давно. Я не помню, где это было...

Голова начинает болеть. Противные червяки прогрызают мне череп где-то за правым ухом. Прижимая локоть к ребрам, я пытаюсь правой рукой быстро-быстро согнать червяков, но нащупываю только коросту.

О, какой ужасный апрель!

— Ты снова себе голову расцарапал! — устало говорит мне Илья. — Опять попался? Ладно, не говори... и так вижу. Вот, суки грёбаные, неймётся им!

Я всхлипываю и стараюсь встать поближе к нему. Но его горнолыжные палки, с которых сняты маленькие кружки — Илья прикрепляет их обратно только зимой, когда много снега — его палки мешают мне прижаться к его ногам, как это могла бы сделать маленькая собачка с разбитой головой. Я не боюсь маленьких собачек, да и они не боятся меня. Но когда ко мне подсакивает большой пёс... их немного у нас во дворе, но они есть! — в голове

сразу же начинается тяжёлый сиплый лай. И я почти всегда вдруг вижу снег у себя перед глазами, он налип на ресницы, от него онемели щёки и губы. Я поднимаю голову и вижу, как огромный чёрный кобель дышит мне прямо в глаза. Потом он возбуждённо отбегаёт в сторону и задирает лапу. Тоненькая струйка мочи брызжет на торчащий из снега бурый репейник. От струйки поднимается пар. Кобель нервно чешется и снова подскакивает ко мне, оскалив огромные белые клыки, блестящие от слюны.

«Лежать!» — с ленивой растяжкой цедит Голос и в голове моей взрывается бомба... вот и всё. И я понимаю, что лежу на земле, в грязи. Однажды это было в дождь, хотя в дождь я всегда чувствую себя лучше, и я лежал, скрючившись, в луже и кровь стекала прямо в пузырящуюся воду, в которой плавал раскисший окурок. «Winston one» было написано на нём, да! И тогда люди смеются... или пугаются и кричат сварливыми тонкими голосами. Или просто обходят меня, старательно не глядя в нашу сторону, а Илья ругается и тычет мне в бок наконечником палки. Он не может встать на колени, потому что у него от рождения странным образом вывернуты ноги.

Илья опирается на палку и выплёвывает сигарету, ловко продевая скрюченную левую кисть

в ремешок. Иначе он не сможет удержать рукоятку. Левая кисть у него слабая. У него длинные нервные пальцы и он очень многое умеет. Видели бы вы, как соседки смотрят на него, когда приносят всякие электрические вещи в починку! А тётя Оксана как-то сказала: «Эх, бабоньки, золотые руки у парня! Кабы не калека, цены бы ему не было!» И все с ней согласились, да!

— Ладно, Саня, не реви, ты чего? Вон, здоровенный какой, а плачешь, — говорит Илья. — Двинули! Держим курс на «чайхану». Сдачу-то принёс? Ну, держи в кармане. Если Прошка захочет стрельнуть у тебя десятку — ты вначале мне скажи, я сам разберусь, понял? Ну, рванули?

Я с облегчением иду рядом с ним. С Ильёй всегда так — с ним спокойно. Он сильный и это знают все вокруг. Он доходит мне всего лишь до плеча, но он железный внутри и, наверное, его побаиваются даже милиционеры. Во всяком случае, когда мы проходим мимо здания, во дворе которого по утрам зычными глотками орёт ОМОН, приветствуя своего командира, и гулко лают в своих невидимых мне домиках служебные собаки, — то милиционеры, сидящие в будке на посту у вертушки, не обращают на нас внимания. А один раз Илья даже поздоровался с каким-то парнем в спортивной куртке, выходящим на улицу через проходную. Илья сказал, что это следователь

Володя, и я испугался. Но следователю мы — слава Богу! слава Богу! слава Богу! — торопливо бормочу я, сам не зная, почему — следователю мы были не нужны.

Илья шаркает носками ботинок по асфальту, волоча ноги. Палки его — цок-цок-цок — бодро постукивают по бежатоновым плиткам, выложенным у подъезда магазина «Оптика для вас!» Зимой Илья поскользнулся на этих плитках и упал, сильно ударившись. Я не мог его поднять, потому что ему было больно. Я плакал, а Илья тихо ругался, пытаясь вытянуть правую руку вместе с палкой из-под себя. Зимой он вдевает в петли обе кисти, потому что руки мёрзнут даже в перчатках. Он порвал брюки на колене, сквозь прореху было видно голое синее колено в кровавых ссадинах. Я думал, что он умрёт, да!

Люди проходили и проходили мимо, а потом нам помогла старушка из 86-го дома, что на другой стороне нашей улицы, и мы пошли домой. Но колено у Ильи опухло и ещё долго болело. Он делал себе компрессы из водки, а его сестра поругала меня за то, что я не вызвал «скорую помощь». А как её вызвать, если телефон у Ильи был в нагрудном кармане куртки? А потом старушка помогла мне поднять Илью, и он сказал, что ничего страшного, надо пойти домой и всё. И я помог старушке донести сумку с картошкой до самого подъезда.

Она живёт на первом этаже и окна у неё выходят во двор, где много машин стоят, уткнувшись носами друг в друга, как шашки на шахматной доске, когда играешь в «уголки».

А Илья ждал меня у подъезда. А потом мы пошли домой, и Илья попросил меня что-нибудь вспомнить из книг. Я сказал: «Из слов Антония становится очевидным, что демоны ни в коем случае не могут овладеть чьим либо духом или телом и не имеют никакой власти врыватья в чью-либо душу, если сначала не лишают её святых помышлений и не сделают её пустой и лишённой духовных созерцаний».

— Откуда это? — спросил Илья, морщась от боли в колене. Его ноги загребали не совсем утоптаный снег — чшш-чшш-чшш.

— Шпренгер и Инсисторис, «Молот ведьм», — автоматически сказал я, думая о том, что боюсь. Боюсь того, что, наверное, Илья сломал себе ребро.

— Замечательно, — пробормотал Илья. — Ты же не помнишь ни черта. Имя своё и то забыл, а цитаты такие мудрёные выдаёшь, что профессор, да и только! И не понимаешь в них ничего. Ну, ладно, ладно, не хлюпай носом. Я же тебя не ругаю. Это я удивляюсь тому, какой ты начитанный. Слышишь?

Я — начитанный. Это правда. Только я действительно не помню ничего. Книжные слова

иногда выскакивают из меня, как поезд из тоннеля метро. Они ослепляют меня, толкают в грудь тёплым воздухом, они гремят и стучат колёсами, они с нечеловеческой силой проносятся мимо размытыми пятнами... иногда останавливаясь, чтобы я мог видеть внутри фраз ярко освещённые окна с озабоченными лицами слов, чьи хозяева давно уже умерли.

«Чайхана» — это три скамейки, поставленные буквой «П». Раньше говорили — поставленные «покоем». Скамейки прижились у нас во дворе. С одной стороны в кустах сирени теряются стальные прутья забора, за которым желтеет здание бывшего детского садика. Теперь в это здание ходят молоденькие девчонки. Юношей почти нет. Зимой окна ярко светятся и в них видны девушки, слушающие преподавателей. Они пишут в своих тетрадках, перешёптываются друг с другом, а на переменах выскакивают на крыльцо входа и курят. Но вход расположен с другой стороны и не виден из «чайханы». Детский садик теперь стал институтом и ему, наверное, хорошо от этого. Во всяком случае, здание весело смотрит на людей чисто вымытыми окнами.

Густые тополя протягивают ветви над нашими головами. Совсем рядом протоптана дорожка, наискосок пересекающая двор. По ней тихо

проходят люди. Многих мы уже помним в лицо.

Иногда стайки волчат зычно гыгыкая бредут по дорожке и бросают неприятные взгляды на нас, сидящих каждый на своём любимом месте. У волчат серые лица и они громко сквернословят. «Алкаши!» — говорят они, но мы не смотрим на них. Их время придёт, когда стемнеет. Тогда они будут возиться в «чайхане», которая ночью становится страшной. Поутру я убираю пустые «сиськи» — пластиковые бутылки крепкого пива «Охотник», осторожно собираю шприцы и пакеты из-под чипсов, сметаю в кучу окурки и плевки и отношу всё это к мусорным бакам.

Однажды я увидел подсыхающие потёки крови на скамейке и не мог подойти. Лёня-электрик принёс ведро воды и попытался смыть кровь, но получалось плохо. Мы застелили потом скамейку газетами, но они всё равно промокли от воды. Я так и не сел на это место. И вообще не мог там присесть. Зато через два дня прошли ливни... и всё стало по-прежнему, как будто небесная вода очистила всё прошлое.

А однажды я нашёл там тонкие женские трусики. Они были грязными, как будто их хозяйка не мылась много лет подряд. Меня тошнило, но я подцепил их веточкой и, отвернувшись, бросил в мусорный мешок. Но это всё же лучше, чем шприцы, которые пищат и злобно шевелятся в

пакете и хотят вырваться наружу, когда я несю собранное к мусорному баку, далеко отставив руку от себя. Они опасны. В них шевелится грязная чёрнота.

В «чайхане» уже сидят Прошка и мающийся с бодуна Лёня-электрик. «О! Инвалидская парочка!» — говорит Прошка. Мы здороваемся, и Илья устало устраивается на своём любимом месте, закинув одну ногу на прислонённые к скамейке лыжные палки. Его ботинки покрыты пылью и подошвы у носков, которыми он так быстро шаркает по асфальту, скоро совсем протрутся. Наверное, скоро надо будет просить у Елены покупать ему новую обувь, потому что в ремонте уже откажутся брать чиненные-перечиненные ботинки. Само собой, она опять вздохнёт и скажет: «Раньше, хоть, можно было на протезном заводе со скидкой заказывать ортопедические. Помнишь, Илюша, как мы с папой и Валерой на Большакова ездили? Ты ещё там стельки хорошие были... пробковые». А Илья будет хмуриться, не глядя в лицо сестры. Он не любит вспоминать детство. Я бы, наверное, так не делал. Но я не помню ничего до прошлого года, когда Илья взял меня за руку и сказал: «Хватит хныкать. Ты кто?» И я не смог ему ответить.

Мы открываем первую бутылку и начинаем движение в будущее, к тёплому вечеру, чтобы в полупрозрачные сумерки разойтись по домам, до

завтра. Я стою рядом с Ильёй и на душе у меня спокойно.

— На Сашкины сегодня пьём, — говорит Илья. — Он в 37-ю вчера помогал мебель таскать.

— В 38-ю, — говорю я и робко улыбаюсь.

Я люблю помогать хорошим людям. Наверное, стыдно признаваться в этом взрослому большому человеку, который не помнит о себе ничего. Даже имени. Сашкой меня назвал Илья.

Глава 2

Илья

Да, он любит помогать тем, кто привык к нему, кто добр, — думает Илья. В этом он ничем не отличается от всех нас, жителей этой паршивой планеты. На её поверхности слишком много дерьма, поэтому мы судорожно ищем хоть малую травинку человечности и в отчаянье хватаемся за неё в надежде обрести хоть немного покоя. Уж не счастья, куда там! Покоя и тишины ищем мы в океане дерьма — вот оно как, дорогие мои алкаши-собутельники.

Сашка полубоком стоит рядом, слушая беседу Лёни-электрика и Прошки. Его лицо, изуродованное шрамами, сияет тихим довольством. Могучие руки он держит прижатыми к груди, привычно сутулясь. Типичная оборонительная поза

маленьких детей, скажет вам любой психиатр в этой трижды долбанной программе «Здоровье» на телеканале ОРТ.

«Что же защищаешь ты, Сашка? Какие ужасы ты забыл? Забыл, но не настолько, чтобы распрямить спину, посмотреть вокруг открытым, не пугливым взглядом, устало расправить мощные плечи и стать тем, кем был ты когда-то... — в тысячный раз думает Илья. — Да не дано тебе, видимо, этого. И враги твои, если они были, могут радоваться — не столько тело изуродовано у тебя, Сашка, сколько покалечена и разорвана душа».

— Вот смотри, — говорит Прошка. — У нас в 234-м цехе мастер был один. Романов фамилия. У него сын в наркоте по самые уши зарылся. Романов с бабой и сад, и машину продали, а толку от всех этих лечений — хрен! Нет никакого лечения, понял?

— Не верю я в это, — мрачно говорит Лёня-электрик. — Это от водяры хрен откажешься, потому что жизнь — говно. А наркота — это больше для сопляков придумано, чтобы они заранее на себе крест поставили и даже не рыпались. Вон, на зоне, если не ширяешься, то рано или поздно перестаёшь и думать об этом. Говно всё из организма выходит и — пипец. Ты чистый, как моча молодого поросёнка.

Сашка тихонько смеётся. Ему понравилось

сравнение. Вышедшая из четвёртого подъезда 89-го дома молодая женщина в сомнении смотрит в сторону «чайханы» из-за трубы огромного ковра. Эту ковровую трубу женщина держит стоймя, обхватив руками. Нижний торец трубы она ставит на носок правого кроссовка, чтобы не запачкать.

— Саша, пойди, помоги женщине, — говорит Илья и машет скрюченной рукой в сторону подъезда. В здоровой он держит стеклянный гранёный стаканчик с водкой. Этот персональный стаканчик, чисто вымытый, всегда приносит с собой пенсионер и ветеран труда, изобретатель и рационализатор Прошка. Остальные довольствуются пластиковыми одноразовыми.

Сашка застенчиво, боком двигается в сторону стоящей женщины. Сашка не пьёт, поэтому весь двор, все семь домов, образующих гигантский колодец с детсадовским «Институтом маркетинга и рекламы» посередине, нет-нет, да и полагается на Сашкину помощь. Женщина робко улыбается, и Сашка идёт уже увереннее. Он бережно забирает ковёр и несёт его к перекладине турника. Женщина идёт следом, держа в руке пластмассовую выбивалку.

— Симпатичная деваха, повезло сегодня Сашке! — хихикает Прошка.

— Да уж, был бы он нормален — ночь любви ему сегодня была бы обеспечена, — бормочет Илья,

разливая ещё по чуть-чуть.

— Вот не повезло парню, — говорит Лёня-электрик, начиная розоветь. — Нет, Илюха, это точно бывший десант! Я тебе реально говорю! Помнишь, как он с ножом управлялся?

С месяц назад пьяненькие мужики, человек десять, обсуждали в «чайхане» приёмы рукопашного боя. Женька — самый молодой пьющий в дворовой компании — контрактник, когда-то вернувшийся из Грозного с пулей в ноге, — как обычно хвастался тем, что, мол, в детстве занимался самбо. Зажав в руке обломок ветки, изображавшей нож, он показывал, как одним ударом убить человека, всадив ему лезвие в глазницу или в шею. А то перерезать часовому горло, подкравшись сзади и зажав ему рот, чтобы не хрипел, умирая, не выдал разведчика шумом. На самом деле Женька служил в инженерных войсках, но самбо он когда-то действительно занимался, поэтому выходило довольно убедительно. Разгорячившись, он выволок в круг испуганного Сашку и велел ему стоять истуканом, чтобы Женька мог изобразить особенно эффектный — «запрещённый, пацаны, запрещённый в спорте и в кино!» — приёмчик, позволяющий напасть на человека, предварительно обманном движением отвлекая его внимание. «Тут, мужики, вся сила

именно в обманном движении! Ты дёргаешься оттого, что ждёшь удара ногой, но вместо этого тебе втыкают нож под рёбра!»

Илья тогда здорово набрался, да и мужики, толпившиеся перед скамейкой, загораживали ему весь вид, но Лёня-электрик рассказал ему то, что Илья проморгал. Женька спокойно пошёл навстречу стоящему Сашке, точь-в-точь усталый прохожий, идущий вечером вам навстречу, и вдруг пружиной развернулся... и вылетел прямо в зрителей, повалив их на землю. Сашка испуганно держал ветку-нож, отставив руку перед собой. Никто так и не понял, как Сашка умудрился это сделать, а когда разгорячённый Женька схватил его за грудки, требуя повторить, Сашка расплакался. Он упал на землю и стал сдирать только-только поджившую язву за правым ухом. Илья рассвирепел. Он вытянул Женьку палкой поперёк спины, вскочив со скамейки. Но ботинок сам собой зацепился за землю и Илья рухнул рядом с Сашкой.

Все с облегчением захохотали. Женька заявил, что «дураку повезло». Мол, — раз в сто лет, мужики, раз в сто лет! — из испуганных размахиваний жертвы руками и ногами, вполне может самопроизвольно получиться приём, достойный Джеки Чана. Илью подняли, отряхнули и налили водочки. Сашку успокоили... а позже даже послали было дурачка за добавкой, но у него

болела голова и Илья приказал ему идти домой. Сашка захныкал, да и время, вообще-то, подошло к вечеру, поэтому этим всё для «инвалидской парочки» и закончилось. Илья ушёл, уводя Сашку. И всю ночь у того болела голова, и он плакал. Наутро невыспавшийся и злой Илья упросил-таки несчастного выпить две таблетки спазмолгона, дождался, пока тот успокоится и заснёт, и сам побрёл в магазин. Несколько дней мысли Сашки путались, он говорил странные вещи и забывал всё, что его просил сделать Илья. Из дома в эти дни не выходил.

— Да какой он десантник! — с досадой говорит Прошка, отсутствовавший в тот вечер по причине ссоры с дочерью, забравшей его на дачу и пилившей его за то, что он отказывается продавать двухкомнатную квартиру и переехать в однокомнатную. Разницу в цене подразумевалось, естественно, отдать любимой доченьке, терпящей очередной крах личной жизни и гражданского брака, и собирающейся третий раз выйти замуж за тихого армянина, у которого были нелады с больной сестрой, и отсутствовало российское гражданство. — Пьяные вы были в жопу, как свиньи в берлоге, вот вам и все приёмы!

— Что пьяные — это да! — хихикает Лёня и оглядывается по сторонам. — Но ты бы видел, как

Женька полетел! Чисто Гагарин в космос! — говорит он, опасливо понизив голос — вон они, Женькины открытые окна, на первом этаже, совсем рядом. И сквозь решётки видна его скандальная жена Лариска, суевающаяся на кухне.

Сашка расправляет складки ковра, переброшенного через перекладину. Затеяливые узоры мохнатого ковра кажутся ему раскраской огромного добродушного зверя. «У такого зверя должны быть сияющие раскидистые рога, как у оленя... — бессвязно думает он. — И бока у него такие же тёплые. И дышат». Он стеснительно топчется на месте. Наконец, решившись, берёт выбивалку из нежной руки улыбающейся женщины.

— Да я бы сама, Саша... — говорит она и сразу же отходит в сторону, покурить с подружкой, у которой в коляске спокойно спит синий свёрток в кружавчиках и оборочках.

Сашка думает о том, что добрый зверь, наверное, будет рад стать чистым, и радостно хлопает по ковра. Эй, добрый зверь, не бойся, это я! Облако пыли относит в сторону прозрачный и загадочно весёлый апрельский ветер.

Глава 3

Сергей

Само Пришествие, как и все великие события, началось буднично. И если бы не расторопность и деловая хватка Сергея Любаева, — как он сам характеризовал свои легендарные действия, — человечество так и гадало бы о первых минутах того, что навсегда изменило жизнь планеты Земля. Наверное, народились бы разнообразные легенды, а учёные с пеной у рта спорили о точке Начала, защищая каждый свои координаты, а попутно и защищая кандидатские, докторские и прочие приятно звучащие научные звания.

На самом деле, всё было просто и даже буднично. Во всяком случае, в первые минуты Пришествия. И то, что мы можем *видеть* всё своими глазами, — так это Сергею Любаеву просто повезло.

Сергей ехал в своей «девятке». На переднем сиденье лежала новенькая видеокамера, купленная у друга по случаю кризиса за полцены. Ё-моё, повезло! Сергей давно хотел побаловать себя компактной «Sony», ладно укладывающейся в руку. Иринка хотела привести родителям в Горноуральск записи малыша Тимки, чтобы мать с отцом наконец-то успокоились. Привести и показать прямо на экране телевизора: вот, смотрите, живём мы не хуже, чем другие!

А то своими бесконечными звонками и редкими приездами мать постоянно доводила

Иринку до слёз. И муж-то у неё формально безработный, и сама знаешь, как в наше время мужчины девок вместе с детьми бросают — он же не хочет на тебе официально жениться! И бизнес у него какой-то сомнительный, неровен час, посадят твоего Серёжку и всё ваше имущество конфискуют. Да, впрочем, какое уж там у вас имущество — избёнка на улице Щербакова с сортиром во дворе. Вот уж дыра-дырой!

Всё это шептала ему Иринка горячими ночами, когда Тимка, а он был на удивление спокойным ребёнком, тихо сопел у себя в кроватке. Нет, правду говорят, что у девушек настоящий вкус к сексу только после первых родов просыпается! И всё бы замечательно, но засыпал Сергей всегда только после того, как успокаивал вдоволь наревевшуюся жену.

И всегда злился — ну что старая карга несёт, а? Что ей ещё надо? Ну, да, купил он избушку-развалюшку на окраине! Так ведь земля — вот что в ней ценного! Мэрские уже сейчас два с половиной миллиона предлагают, сходу! Но, покрутившись среди умных людей и наведя справки, Сергей показал мэрским большой кукиш. Минимум три двести, вот сколько эта земля стоит, старая ты корова, мамаша Иркина! И нечего тут свою дочь дёргать. Понимаю, конечно, что поздний ребёнок, волнуются, но...

И бизнес у него вполне нормальный. Вот-вот фирму регистрирует, созрел для этого. Клиенты постоянные есть? Есть! Платят? Платят! Что ещё тебе надо, ведьма старая?! А самое главное — своими руками и своей головой добился всего этого! Ирка ещё в школу бегала, а Сергей уже первые деньги зарабатывал. С матерью-клушкой и отцом-алкашом не разживёшься, если ждать манны небесной. Вот сам и крутился, как бобик. Первым делом три года назад свою первую машину купил, а то весь день на ногах мотаешься, не успеваешь. Ведь не пропил первые доходы, как папаня халтуры свои — нет! А в прошлом году и домик перехватил, удачно очень. Денег на квартиру «двушку» где-нибудь на Старой Сортировке уже сейчас есть, да только зачем ему эти хрущёвки у чёрта на рогах? Продам свою избу с землёй — нормальную квартиру можно брать. Говорят, цены на недвижимость всё равно упадут. Элитки, вон, все пустыми стоят из тех, что только-только достроены. Кризис же!

А тесть пусть вовсе язык в жопу засунет. Понятно, заслуженный врач, трали-вали... да только он при Советской власти привык всё по благу, да на халяву. А когда предложили в 90-х старому дураку клинику возглавить, именем его воспользоваться и, за здорово живёшь, приличные бабки отстёгивать, так он и отказался. Нет, братья и

сёстры мои, можете ли вы себе это представить?! Отказался!! Чего, мол, это я буду новых русских, этих поганых хапуг лечить? Мол, власть эта — вору и троечников, а он, мол, старой закалки человек!

Дурак он старой закалки, вот что. Вот и сидит сейчас на пенсии, Ельцина с Путиным-Медведевым ругает и вспоминает, как с самим секретарём обкома Свердловской области на охоту, видите ли, не единожды ездил. Втайне завидуя тем, кого ещё молодыми интернами уму-разуму учил. Теперь он весь в сияющих далях Прошлого. Смакует, старый пердун, на каких деликатесах Иринка выросла, в какие импортные тряпки одевалась, на каких югах с родителями вместе отдыхала. Каких в Сережкиной жизни той поры отродясь не бывало! А родители его в то время на заводе вкалывали и в очереди на паршивую эстонскую стенку стояли... а уж насчёт жратвы и вовсе. С восьмого класса язва у парня, представляете? Что, от хорошей еды, да?

Ну, ничего. Иринка, конечно, нервная сама по себе, но он-то, Сергей, парень закалённый и сильный. Хрен вы мне жену до истерик доводить будете! Вот подрастёт Тимка, закончит Иринка институт и некогда ей будет ваши бредни слушать, да по ночам мужу в плечо реветь!

Эх, приеду сейчас, камеру на Иринке с Тимкой опробую. Попрошу Иринку красиво

одеться... очень уж она хорошенькая у меня — не перестану удивляться, до чего же мне с ней повезло! А ночью... ночью сниму её, милую мою, голенькой. В компьютер отдельным файлом солью... запароленным... мало ли чего... на всю жизнь чтобы молодой и красивой оставалась. И будет у нас своя приват-сессия. Он, Серёга, не из тех дебилов, что своих голых жён в интернет с раскинутыми ногами выкладывают, конечно нет! Для себя, для тех Серёги и Иринки, что старыми станут. Но иногда... иногда так и хочется крикнуть всему миру: «Вот, смотрите! Вот вам и Серёжка, сын алкаша! Вот вам ваши двойки по русскому языку, вот вам совковые понты ваши и блат в спецраспределителях — *завидуйте !!!*»

Сергей представил себе обнажённую соблазнительную Иринку, одетую в белые чулочки и те, шпилечкой, светлые туфельки... и заёрзал на сиденье. В паху стало горячо и тесно. Нет, надо побыстрее до дома добираться. Как обычно, улочками и переулками, чтобы в пробках на проспектах не торчать. Вот так... поворачиваем на Серова и дуем до Щорса по односторонней.

Именно в этот момент он увидел по левую сторону от себя ярко-алый свет. В доли секунды он представил, как огонь охватывает левую дверцу. Уже повернув голову, глядя на дом и нажимая на

тормоз, Сергей всё ещё видел себя, охваченным огнём «коктейля Молотова». Как, неразборчиво крича, он вываливается из машины и катается по земле, пытаясь сбить пламя, как вскипает и мгновенно чернеет... лопаются кожа на руках и лице... сердце его болезненно скакнуло, глаза выпучились, нога судорожно толкалась в педаль тормоза. Машина с визгом остановилась и Сергей машинально задёргался в кресле, совершенно забыв о том, что пристёгнут. Но тут он наконец-то осознал, *что именно* он видит.

Господи, так недолго инфаркт получить! А всего-то дел, что почему-то горит фундамент двенадцатиэтажного дома. Правда, очень уж ярко горит, просто слепит глаза. Сергей потянулся к бардачку за солнечными очками и увидел свою «Sony», спокойно лежавшую справа от него. О! О, блин, вот Иринка то посмотрит!

Почти спокойно Сергей взял камеру, опустил стекло и стал, не выходя из машины, снимать пожар. Нам всем повезло, что дом был виден ему полубоком, «в три четверти», как говорят фотографы. Это придаёт всей картинке глубину и объём.

Сергей снимал ослепительно яркий огонь, странным образом как бы выраставший из стыка стен и фундамента. Видно, как языки пламени, более всего напоминающие тонкую плёнку,

неровно обрезанную поверху, быстро поднимаются вверх, как из прохода между домом 21 — какое-то время чётко виден указатель — и домом 19 выбегают люди, оборачиваясь на бегу. Как всплескивает руками, роняет наземь сумку и начинает причитать старуха, метров тридцать не дойдя до этого прохода. Пламя поднимается ровно и неотвратно и вот оно достигает двенадцатого этажа и выше. Сейчас дом похож на красивый параллелепипед, упакованный в алую подарочную обёртку с лазерной насечкой. Обёртка поднимается над крышей — отчётливо слышно, как Сергей потрясённо говорит: «Ох, ...б твою мать!» — и вдруг заворачивается наружу и стремительно несётся вниз. На секунду Сергею представляется гигантский пламенеющий презерватив, легко натягиваемый на деталь от детского набора кубиков — да-да, он хочет вслух сказать об этом, но только мычит.

В зад его «девятки» тихо въезжает «Мазда», за рулём которой взволнованная блондиночка, похоже, даже не соображая, что к чему, продолжает какое-то время одновременно нажимать на педали газа и тормоза. Изображение дёргается.

Сергей пытается разговаривать с блондинкой, но и её, и его так и тянет обернуться на дом, с которым происходят совсем уж страшные вещи. Сергею хватает соображения поставить камеру на

крышу своего автомобиля. Видно, как пламенеющая плёнка вдруг начинает переливаться всеми цветами радуги, а потом снова краснеет и по поверхности её стремительно проносятся меняющиеся символы, сливающиеся в неразборчивые пятна. Эти символы впоследствии будут сводить с ума, как учёный мир, так и неисчислимое количество добровольных помощников, энтузиастов-любителей, богословов всех конфессий мира и полупомешанных телевизионных проповедников.

Несколько человек уже снимают происходящее на мобильники, но наиболее чёткое и не дёргающееся изображение, конечно, принадлежит ему, Сергею Любаеву, Екатеринбург, Россия. Тем более что ему посчастливилось быть на солнечной стороне дома. Со стороны двора все свидетели в голос утверждают, что «пламя» было ярко-красным с оранжево-жёлтыми прожилками, вплоть до того времени, когда таинственная дрянь, что окутала дом, начала затвердевать и становиться молочно-белой.

Торопливо обменявшись всем, чем положено обмениваться в случае незначительного ДТП, Сергей отогнал от машины двух чумазных пацанов, уже корчащих дикие рожи и выплясывающих в бессмысленном восторге перед камерой. Плёнка

загустела и покрылась протуберанцами-щупальцами, длиною до десяти метров, как можно определить по изображению. Через недолгое время щупальца втянулись внутрь, плёнка покоробилась, как засыхающий лист, и мгновенно затвердела. С крыши полетели обрубленные кабели телефонов, интернета и прочих «линий-воздушек», за последние годы опутавших все городские дома наподобие паутины.

Раздался гулкий удар, словно рядом бухнуло дальнобойное орудие. Сергея ударило воздухом прямо в лицо, сшибив камеру с крыши. Машина на мгновение приподнялась левым бортом. Её протащило вбок и назад сантиметров на пять... и всё успокоилось. Неподалёку уже выли сирены пожарных, милиции, «скорой помощи», МЧС, ФСБ и прочих служб, которых в ужасе наперебой вызывали и вызывали жители всех окрестных домов.

Оглохший Сергей поднялся на ноги и поднял камеру. Почему-то ему стало страшно. С соседних домов беззвучно осыпались стёкла. Мятый кокон, окутавший дом, на глазах медленно чернел, проходя все оттенки от белого до угольно чёрного. Через минуту он стал матовым, перестал отражать свет и окончательно застыл. От него тянуло холодом.

Сергей кинул камеру на переднее сиденье, скинул куртку, прикрыл камеру, не замечая, что к спине куртки прилипло собачье дерьмо, и завёл машину. Надо было уезжать. Надо было срочно рвать домой, выкладывать на FTP всё отснятое, срочно нарезать несколько видео сэмплов и срочно слать их в крупнейшие информационные агентства. Он сможет. Он знает, как это делается!

В салоне воняло дерьмом, но Сергей не замечал этого. Доехать! Спокойно, спокойно... нельзя сейчас торопиться... ох, руки трясутся. Главное — доехать!

Через неделю, когда потрясённый мир уже твёрдо знал, что всё произошедшее — не СМИшная утка, Сергей выторговал у CNN триста тысяч долларов, в чём, наверное, здорово продешевил. Впрочем, Иринка пищала от восторга, а долбаные тесть и тёща никогда больше не донимали его жену. То есть, зудели, конечно, потихоньку, по старой памяти, но Иринку это теперь совсем не волновало, нет! Совсем! И к тому же — она действительно удивлялась и радовалась, *насколько* потрясающим может быть секс с любимым и удачливым мужем...

Сергей пропиарился на полную катушку, побывав гостем всех телеканалов города и дав за несколько дней бесчисленное количество интервью. Дела его пошли в гору. Через две недели он быстро

собрался и перебрался в Питер.

Впрочем, даже и без всего этого, — случившегося, — наверное, всё у него было бы нормально. Толковый парень. Работающий. Это все, кто его знал, говорили.

Глава 4

Илья

Илья не пошёл сегодня в «чайхану». Ждал сестру в гости. Ленка обещалась прийти, как обычно, по субботам. Сам-то Илья вполне нормально управлялся с домашними делами — стирал, гладил, прибирался. Сашка помогал, а то как же! Ленка обычно ворчала, что, де, опять они с Сашкой пыль не везде протёрли, да и постирали как-то криво, без отбеливателя. Ну, и рубашки у Ильи глажены с заломами! А брата она, мол, привыкла видеть чистеньким и даже где-то щеголеватым.

Это уж точно. С детства Илья понимал, что ему далеко до двух своих братьев-красавцев. Рост, физиономии, ум — всё у них при всём! Бог дал семье Васильевых хороших детей, и мать всегда гордилась этим. А то, что Илюшенька таким уродился, так то запоздалый намёк Господа — дескать, не выдрючивайся Антонина Сергеевна, всё в Моей воле! Во всяком случае, мать так считала.

Вот и получилось, что в посёлке Медное лучше Ильи никто и не жил. Павел с Володькой любому морду разобьют, кто о брательнике ихнем не то, что слово паршивое вставит, а просто пренебрежительно в его сторону посмотрит. Сестра своего первенца Илюшенькой назвала — в честь брата младшего. Девки бесперечь у Васильевых дома толклись. Все тебе удовольствия — и братья-красавцы, и Ленка, душа незлобивая и независтливая, и музыки полон дом, и сам Илья, тогда ещё раскатывающий в инвалидской коляске. Лицом симпатичен... а к его калечеству быстро привыкаешь! Не заячья губа и не волдырь во всё лицо, всё-таки! Очень уж толков парень, во всём других перее, что школьной программы касается! И поёт красиво, и знает уйму всякого, и читает много.

Паша с Володей, те по коммерческой части пошли. Одно время Илья очень за них переживал. Мол, знаем мы эти бизнес-законы современной России. Но, слава Богу, всё обошлось! Не стали братья ни в криминал, ни во власть лезть. Тем и пережили лихие 90-е, что отстёгивали кому надо. Крышу правильную выбрали, а это — Закон Номер Один в бизнесе. Смекаете?

Жаль только, что Илья из родного дома уехал. Ну, впрочем, отец ещё, когда жив был, предсказывал: «Что Илье с его-то головой в нашей

деревне делать? Ему в город надо, в столицу!»

Поначалу братья Васильевы, когда по делам в Екатеринбург ездили, книги Илье покупали. Бухгалтерия для нашего Илюшеньки — чисто семечки лузгать! Вот и достался ему, самому первому в семье, компьютер... а позже и к сети подключили. Ну, это уже, когда Илья в Екатеринбург переехал. Павел ему квартиру двухкомнатную прикупил, считай, почти в самом центре. Что уж Илья там из интернета качает — не наше дело. Но в любой момент — спросить его о законах, о налогах, о составе правительства, о движении космических тел вокруг Земли, о том, кто из политиков кого свалит... и на какие деньги они там все в Кремле и Думе живут, — ответ будет точным!

Мать, умирая, всё старших просила о младшеньком позаботиться, не бросать его в Екатеринбурге, куда он к тому времени уже год, как перебрался. Мечтал он на заочном учиться и операцию на ногах сделать, чтобы хотя бы на костылях передвигаться. Как же, бросим мы его! Илья у нас свет в окошке! Вот только... эх... нашлась бы девушка, что *душу* в нём бы увидела, а не внешнюю убогую оболочку!

Операция, вроде, нормально прошла. Во всяком случае, хоть с лыжными палками, но на

своих ногах ходит. С коляской-то совсем беда была...

С учёбой так себе получилось, — кому они сейчас нужны, физики да математики! — но курсы бухгалтерские закончить всё-таки пришлось. И теперь бухгалтерию братьев Илья назубок знал. Дамочка-бухгалтер основную чёрную работу тянет, а Илья по телефону, да по интернету основной контроль ведёт. Живи, да радуйся!

Да только... как бы это сказать... совсем парень изменился, как за 30 перевалило.

Не то, чтобы Илье больше помогать приходилось, как раз наоборот! Как раз тогда Павел, старшенький, в гору пошёл и Володьку за собой потянул. Ленка замуж вышла, в десяти минутах езды от Ильи живёт. Жаль, овдовела. Но зарабатывает неплохо, хоть и с тремя детьми возится. Няньку нанимает. Все условия, так сказать.

Просто злиться стал наш Илья. Резкий стал... злой.

Да и то сказать, а мы бы на его месте — что? Плясали бы? Жизнь своим чередом катится, а инвалиду в ней места особо-то и нет. Вот, что бы вы на месте братьев делали? Зовут, конечно, Илью назад, к себе, да всё без толку. Улыбается только мрачно и отказывается. Говорит, проживу как-нибудь. Пенсия по инвалидности есть, ваша

помощь имеется, да и я не даром ваш хлеб жую, чего бы не жить.

Ну, а водочка... она, сволочь, тем и хороша, что помогает жизни побыстрее лететь. На всех парах...

Ленка так и не смогла сегодня прийти... ах, как жаль! Позвонила, сказала, что завтра утром всей семьёй приедет. Гавриков-племянников привезёт. А сегодня, мол, с машиной нелады. Лучше уж она сегодня ей займётся, чтобы не тянуть с этим делом. Как раз к завтрашнему и управится!

— Не будет сегодня Ленки, — сказал Илья Сашке, возящемуся на кухне, — завтра приедет, вместе с поросятами.

Сашка робко поднял голову. Он чистил плиту, зная, что строгая Лена обязательно внимательно посмотрит на конфорки. Он чувствовал, что Лена побаивается его и, когда она приезжала, старался сжаться в комочек, исчезнуть, спрятаться. Нехорошо, когда тебя боятся. Это неправильно, да! А её дети Сашки не боятся. Они с ним вместе в маленькой комнате играют. Умеет Сашка такие дома из кубиков строить, что племянники только пищат от восторга. Мосты делает вместе с ними. Нитки возьмут и канатную дорогу протянут от письменного стола к шведской стенке. Даже убирать потом всё это жаль. А Илья приляжет

рядом на диване и придумывает на ходу сказку о том, как Бэтмен и Иванушка спасали Алёнушку и Бритни Спирс от злобных трансформеров. Ленка, бывает, обхохочется, слушая. А когда она смеётся, то ни Сашки не боится, ни своего брата, ставшего зачастую таким ершистым и упрямым.

«Сашка, Сашка! — в сотый раз подумал Илья. — Подрастут племянники ещё чуть-чуть и начнут стесняться дяди своего, инвалида, и его странного большого и доброго друга. Вот и кончатся тогда наши посиделки...»

— Лены не будет, — сказал Сашка, кивая головой, и стал аккуратно выполаскивать тряпку, которой уже протёр поверхность плиты.

— Ага. Так что сегодня мы с тобой остаёмся в гордом одиночестве...

Внезапно пол мягко выдернули из-под ног Илья!

Одновременно всё вокруг окрасилось красным. Поручни, купленные по случаю в троллейбусном парке для удобства Илья и прикрученные Павлом и Володей к стенам коридорчиков, а также в ванной, туалете и на кухне, вспыхнули ослепительными брызгами всех оттенков алого, мгновенно перешедшего в раскалённую белизну!

На исказившемся лице Сашки вскипает кожа

Руки Ильи, вздёрнувшиеся к глазам, полыхнули трескучим огнём. Илья чувствует мгновенный всплеск пламени, вырвавшегося, казалось, прямо из-под ног, и не успев даже удивиться, а только ахнуть от мгновенного испуга за Сашку... обрушивается во тьму.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с... Он тянет за собой непослушные ноги, загребая вывороченными внутрь носками ботинок опавшую листву.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

...то не эхо там, в темноте, нет!

...эхо эхо эхо нет нет нет!!!

...это идёт за ним Сашка.

...нож

...нож-ж-ж! в его руке — нож! во имя Господа — нож!

Он смеётся и говорит... там... догоняя... за спиной! Он смеётся и говорит: «Бесы поражают также безгрешных, невинных и праведных, как Иова, и многих невинных детей!»...

Рука его хватает Илью за плечо. Пальцы впиваются в ключицу. Сашка разворачивает Илью к

себе и кричит ему прямо в лицо: «Это «Молот ведьм», Илья! Это «Молот ведьм»!»!

У самого Сашки лица нет. У него нет лица, а только что-то шевелящееся и непрерывно меняющееся...

Он начинает отрезать Илье голову.

* * *

Колёса электрички стучали и стучали. Они с отцом, Пашей и Леной едут в Свердловск! Свердловск! Скоро он уже станет Екатеринбургом и надо успевать доехать. Скоро начнётся новая жизнь! Операция!

Операция... да, была операция... наркоз. Я помню!

Илья открыл глаза.

Он лежал на полу, неудобно скособочив шею. Затылок ломило. Сашка сидел рядом и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихонько подвывал, закрыв глаза. Он колотил огромным кулаком по стене — тук-тук-тук...

Что это с ним?

Что с самим Ильёй?

— Сашка, — слабо сказал он, чувствуя, как криком кричат несчастные ступни, как в рёбра

тычется неумолимая боль и разламывается голова, — ну тебя в баню, не стучи! В мозгах отдаётся...

Глава 5

Анна

— Проще всего говорить о себе, как о посторонней. Например, в третьем лице! — пробормотала Анна, с трудом сдерживая назойливое, почти болезненное желание оглянуться ещё и ещё, и ещё раз!

— Не хочу... не буду оглядываться, — Она стиснула зубы. Нет-нет! Сходить с ума нельзя!

Соберись!

— *«Я шла не торопясь»*... глупо звучит, правда? — упрямо спросила она сама себя. И сама себе подтвердила. — Идиотская фраза! Лучше я буду писать о себе, как о посторонней: *«Немолодая женщина не торопясь, шла по улице...»*.

Она положила перед собой чистый лист бумаги, вытянутый из початой пачки "Снегурочка", — "идеально предназначенной для принтера формата А4", как гласила реклама, — и начала писать.

Словами.

Вручную.

Строчка за строчкой.
Это было *правильно* .

Через несколько нестерпимо мучительных минут сердитая складка на лбу разгладилась. Лицо приняло выражение женщины, с удовлетворением наблюдающей, как её малыш строит в песочнице свои первые "домики" из песка.

Анна (дневник, начало)

«МОЖЕТ, ХОТЬ КТО-НИБУДЬ
ПРОЧИТАЕТ ЭТО!

А случилось всё так.

Немолодая женщина не торопясь, шла по улице, выбиваясь из общего ритма городской суеты, толкотни и нервозности. Полная, — по нынешним вывернутым вкусам, — *статная* , как говорили когда-то. Одета недорого, но элегантно. Каблуки неторопливо цокают в такт походке, плащ расстёгнут, апрельский ветер играет русыми с рыжинкой волосами. Весна наконец-то расщедрилась и женщина с удовольствием подставляет лицо теплу и ласке не жгучего солнца. В её осанке, несмотря на некоторую тяжеловесность, есть грациозность, пластика и то спокойное чувство собственного достоинства, которое так редко встречается у современных

женщин. Мужчины, особенно немолодые, с удовольствием провожают её глазами...

Анна решила выйти из троллейбуса, пару остановок не доезжая до дома. Она любила гулять по городским улицам. Особенно в такие теплые, приятные дни — разглядывать людей, витрины на первых этажах домов, машины, голубей и воробьёв на тротуарах. Думать о чем-то своём... Иногда Анна даже решалась снять свои затемнённые очки с фотохромными линзами и взглянуть в глаза проходящим мимо горожанам. Но лучше этого не делать — никогда не знаешь, что увидишь... чаще всего лучше постараться многое не замечать. Да и глаза болят от яркого света, и вообще... так спокойнее.

Сегодня хотелось просто прогуляться...

Анна отложила ручку. Свеча потрескивала. Она чувствовала себя немножко Жорж Санд. Писать при свечах, выворачивать себя наизнанку...

Для кого?

Внезапно только что написанные строчки расплылись. Анна сердито вытерла слёзы, поправила маленькую свечку, немного посидела в тишине, а потом продолжила писать.

Описывать всё-всё-всё...

«Салон красоты L'AMORE» — бросилась в

глаза красочная витринная реклама. "Почему бы и нет? — подумала Анна — дома никто не ждёт. Сын уехал с друзьями на базу". Не торопясь, она поднялась на крыльцо и открыла дверь. Звякнул колокольчик над входом. Хм... салон! По большому счёту — обычная парикмахерская.

— Добрый день! Дамские мастера свободны? — спросила она полненькую молодую администраторшу. На бэджике крупными буквами красовалось «Лидия». Видимо по причине всеобщего кризисного состояния дел, клиенты в салоне отсутствовали, что, впрочем, не улучшало настроения Лидии. Но Анну не смутило недовольное выражение лица администраторши — ей вдруг очень захотелось поухаживать за собой — любимой, единственной, неповторимой... и — увы! — не очень-то счастливой в последнее время.

— Девочки-и-и, кто возьмётся за работу? — громко завопила Лидия, не выползая из-за стойки обслуживания. Племянница хозяина салона могла позволить себе некоторые вольности и иногда расслабиться. Тем более что клиентка её не впечатлила.

Миловидная мастер показала в дверях женского зала:

— Проходите, пожалуйста. Что будем делать? Анна взглянула на бэджик: "Татьяна".

— Подровнять стрижку и легкая укладка,
...Таня.

С наслаждением откинувшись в кресле для мытья головы (ноги всё-таки устали от прогулки!), Анна вверила свою растрёпанную ветром шевелюру рукам миловидной Тани. Девушка ловко смочила волосы, нанесла шампунь и начала нежно массировать голову клиентке. И внезапно... — *о, нет! только не это, не сейчас!* — в мозг яркой вспышкой впились иглы тоски, тревоги и разочарования.

*...Таня скучает по своему парню, он уехал
(учиться? работать?) далеко и надолго*

...он пишет и звонит всё реже и реже,

...в глубине души девушка

...знает знает знает

...что

...никогда не увидит его,

...никогда никогда

...холодно об этом нельзя думать холодно

...но не может — не хочет?

...как жить? с чем жить? смириться?

...он ТАК целует её... он... он... такой...

...она помнит всё — он лучший лучший

...других... других... других не было

...мечется, как птичка в клетке,

запутывается всё больше и больше

*...милые, милые терзания обманутой
молодости и отвергнутой любви...*

...отвергнутой...

...милые...

...ЛЮБВИ!!!

...ЭТО УЖЕ Я, АННА, ДУМАЮ!

...ОСТАНОВИСЬ!!!

Кожа на кончиках пальцев рук стала чувствительной, как от ожога горячим маслом, губы пересохли, грудь налилась тяжестью, соски напряглись, низ живота заломило...

Усилием воли Анна захлопнула дверь в чувства чужого человека. Возмездием... наказанием будут головная боль, зуд где-то там — за висками, и — давление на глаза. Анна знала — сейчас в зеркале вместо серо-зелёного лучистого весёлого взгляда она увидит усталые темно-оливковые глаза 42-летней, умудрённой жизнью женщины. "Спокойно! Спокойно, Аня! Глубоко вздохнуть, и — не дышать! Как в кабинете флюорографии... так... хорошо! А теперь медленно-медленно выдохнуть всё без остатка — все мысли, все чувства, все эмоции. Это не твоё, это чужое — отпусти! Вот так... уже лучше... молодец".

— Волосы подкрасить не желаете? — Анна

вздрыгнула от неожиданности. — Корни у вас седые совсем.

— Нет, спасибо, Танечка. Я уж сама, дома. Дорого краситься... в салоне-то.

— Да, цены у нас, конечно...

Таня оказалась отличным мастером: волосы Анны ложились идеально, именно так, как ей хотелось. Девушка о чём-то щебетала во время работы, но Анна сидела в кресле, изредка машинально кивая в ответ и думая о своём.

Последнее время что-то тревожило Анну. Она не находила себе места, тоска наваливалась с новой силой. Время от времени у неё появлялось желание всё бросить и уехать куда-то... но инерция размеренного существования, — стабильного, пусть и небольшого, дохода, — неуверенность в своих силах, удерживали её. Страх перемен и потребность в переменах разрывали её надвое. Можно было списать это на запоздавшую весну, но своим внутренним зрением Анна видела: что-то не так, что-то должно произойти! Это пугало, не давало покоя ночью, зудело в висках днём.

— Ну вот, готово! — Таня заботливо улыбалась в зеркало из-за плеча. — Рассчитаетесь у Лиды на "рецепшене".

— Благодарю, Таня. — Анна внимательно

посмотрела в глаза девушке — Удачи вам, милая... в вашей любви!

— Спасибо... — голос у мастера внезапно дрогнул, — приходите к нам ещё.

Колокольчик над закрывающейся дверью прощально звякнул. Таня прислонилась к стойке администратора.

— Какая клиентка, а? Я бы целый день с ней работала.

— Ничего особенно! — Администратор недоумённо пожала плечами. — Толстуха, а корчит из себя благородную даму. А на лице написано — *одинокая* ... и денег вечно нет. Чего её к нам занесло?

— Дура ты, Лидка! — Таня вздохнула и вернулась в зал приводить в порядок рабочее место. "Если вечером позвонит Игорь — соглашусь встретиться. Сколько можно по Валерке тосковать?"

— Да, Лидуся, ты не права! — стилист-визажист «голубоватый Эдик» небрежно развалился в кресле. — Совершенно обворожительная женщина. И куда только мужчины смотрят?

— На тебя, Эдичка, — ехидно фыркнула администраторша.

Пенсионерка Мария Васильевна охотно

вмешалась в разговор. Бывшая учительница литературы сейчас подрабатывала в салоне уборщицей и готовила горячие обеды для персонала.

— Эх, молодёжь! Встречала я раньше таких женщин, — редкий по нынешним временам тип: внешне мягкий, беззащитный, слабый на первый взгляд. А внутри у них — стержень стальной. Такой, знаете ли, сгибаемый, но не ломающийся. То есть по жизни — доброта, понимание, отзывчивость. А в минуты экстремальные — откуда что берётся? Тогда этот стержень любые нагрузки выдерживает. Это тоже сила, но другая — её не видно. Вот у меня, у одной девочки в классе мамочка была, на ЗиКе работала, ну, знаете, «Завод имени Калинина», где ракеты делают. Конструктором была... красавица женщина! Так она...

— Ну, попёрло! "Вот какие мы были когда-то! Мы в ваши годы!" Это всё было... было и прошло, Марья Васильевна. Сейчас совсем другое время! Обедать-то будем? — вмешалась Лида, недолголюбивающая чересчур грамотную уборщицу, напоминавшую ей классную руководительницу, называвшую её «фифой». Вот и надраивай теперь полы... а «фифа» в люди выбилась!...»

Да, вполне быть может, что этот текст криво написан! Критики вы литературные, эстеты хреновы... тьфу! А вот не верю я вам!!! Вас-то нет никого. А я — здесь! Я ЗДЕСЬ! Теперь именно я — единственная в мире писательница... и читательница тоже, да!

Она отхлебнула немножко холодного растворимого какао из керамической кружки, вздохнула, машинально поправила волосы и продолжила...

«...Анна свернула с шумной улицы в арку. Двор был заставлен машинами. За день дворники подмели территорию и вымазали штaketники известью. На деревьях зеленели набухшие почки, нежная травка освежила затоптанные газоны. Двор выглядел нарядным и праздничным, но ощущение внутренней тревоги не проходило. Она вдруг вспомнила, что хотела зайти в магазин, купить что-нибудь на ужин. В холодильнике почти пусто. Но было лень возвращаться. Анна поднялась на свой второй этаж и открыла дверь квартиры. Тихо. В комнате Вовки порядок — уезжая, сын прибрал свои вечно разбросанные вещи.

Помешивая ложкой какао в любимой кружке, Анна подошла к окну. Окошко Вовкиной комнаты глядело во двор. Но кухня и комната Анны с лоджией выходили окнами на проезжую часть

улицы Московской, тянущейся вверх, в Московскую горку. Хорошо — дом на пригорочке, это уже, считай, по высоте мой второй — как обычный третий этаж! Все первые этажи здесь, на Московской горке, заняты магазинами, салонами, конторами и ещё бог знает чем. Шумно, суетливо по-городскому, даже мегаполисно...

И только под утро на два-три часа наступала благословенная тишина. Прихлёбывая горячий напиток, Анна задумчиво смотрела на проезжавшие внизу машины.

Муж всегда всё решал сам. И всегда всё делал так, как говорил. Он всегда считал, что поступает правильно, по-мужски. Сказал — точка! "В этом сила духа настоящего мужчины, — говорил он, — приняв решение доводить дело до конца. Чего бы это ни стоило".

Да! Чего бы это ни стоило...

...всегда...всегда... ох, дурачок...

...дурачок!

Развод. Он так вдруг решил. Три года назад. Ему это ничего не стоило.

Ей было 39 лет, а сыну 19. Парень заканчивал в университете второй курс дневного факультета. А теперь они с сыном остались вдвоём... одни.

Спустя год одиночества Анна вдруг почувствовала — ещё немного и жить просто не останется сил. Надо было что-то менять. Однажды февральским субботним утром она села за компьютер, открыла новый текстовый файл, и... пальцы замелькали над клавиатурой. Слова складывались в строчки. Строчки — в стихи и рассказы.

Анна сохраняла свои работы на сайте в Сети. Не беда, что читателей было немного, — главное, что ей это помогало взглянуть на жизнь другими глазами и освободиться от многолетней зависимости... зависимости от правильного «твёрдо, по-мужски». Мужа, так неожиданно предавшего её... а неожиданно ли? Она предпочитала не думать об этом.

...сейчас зазвонит телефон, — Анна почувствовала это и замерла.

Так и есть — Вовка!

— Мам, ты как? У меня всё хорошо, тут компания такая нормальная подобралась. Я буду послезавтра. Не волнуйся, о`кей?

— Да, сынок, конечно. Отдыхай...

Вот. Вот оно, снова! Одновременно с художественным видением к Анне пришло это непонятное состояние. Третий глаз? Ерунда! Что-то иное. Наверное, это обострённая женская интуиция.

Она видела чувства и эмоции посторонних людей. Особенно в моменты волнения, радости... любого стресса. Иногда достаточно было просто взглянуть в глаза проходящему мимо человеку. Сегодня в салоне... она просто на доли секунды перевоплотилась в Танечку!

Плохо. Анне не нужна была такая способность. Знания о незнакомых и знакомых людях — не такая уж и приятная штука. Пропускать через себя чужое... когда и своих проблем хватает!

Порой это внутреннее зрение преследовало её непрерывно. Спасением было творчество. Всё туда — на страницы, в стихи, в тексты. Нет компа под рукой — в тетрадку, шариковой ручкой по старинке... свои и чужие чувства, страхи, мысли, дела... потаённое и наносное, открытое людям и тщательно скрываемое...

Это было ужасно.

...зато иногда Анна *неделями* не чувствовала никого и ничего. В эти дни она отдыхала. Но и не писалось тоже! *Ничего* не писалось, правда! Такая, вот, странная зависимость образовалась...

Именно поэтому на завтрашний день Анна взяла отгул. Она собиралась выспаться и посидеть за компьютером — очередная история "просилась на свободу".

Какао уже начало остывать. Допив остатки и откусив печенье, Анна включила компьютер. Подумав, открыла свой шкафчик и достала маленькую шкатулку из бересты. На дне лежал старинный нательный крестик. Вещь была дорогая и необычная. Мастер, отливая крестик из золота, постарался придать ему структуру дерева, сделав сам крест простым и лаконичным. По краям изделие украшала искусная резьба, напоминающая узкое кружево. Главным для Анны было то, что в пересечении перекладин — не фигура распятого Иисуса Христа, нет! — огранённый овальный камень, каплей крови застыл на тяжёлом и теплом золоте. Казалось камень жил своей жизнью — внутри его время от времени появлялись тёмно-красные искорки. Да, конечно же, это свет так преломлялся в гранях камня! Но это завораживало Анну и, — странным образом успокаивало. Анна нечасто надевала этот крестик, слишком уж он бросался в глаза.

Анна надела украшение, застегнула цепочку, как всегда ощутив на груди знакомое. Убрала опустевшую шкатулку в шкаф, шагнула к столу, где матово мерцал монитор...

...её швырнуло на пол!

Пытаясь не удариться головой о кресло, она

вытянула руки... и они увязли в чём-то тёплом и скользком. Теряя сознание, она успела подумать: "Вот и всё! Анна, ты нашла решение всех проблем! Точнее — оно нашло тебя!"

Удар был мягким, но тяжёлым, словно на несчастную, свежепричёсанную в элитном салоне "L'Amore" голову обрушился увесистый мешок с песком...

Глава 6

Илья

«Жалость унижает человека!». Илья Васильев с удовольствием узнал бы о том, что автору этой расхожей фразы на том свете черти вывернули стопы ног носками внутрь, окостенели бы ему все суставы ниже щиколоток, до предела натянули бы жилы в полусогнутых коленях, а напоследок вывернули бы кисть левой руки. После этого в руки дали бы лыжные палки и отправили бы искать того, кто бы унизил его жалостью. На пару тысяч лет.

«Паршивый человечешко был, не иначе! — злобно подумал Илья. — Пусть я не помню, кто сморозил эту дурь, но этой своей фразой старая гнида выдала себя насквозь!»

Милосердие. Он всё знал о нём. С детства. С младенчества!

*...а ты чего такой кривой?
...я болею я болею я болею...
...ты маму не слушался, да? Мама! Тут
такой мальчик кривой в колясочке!
...кривой кривой кривой я болею это это это
...кривой...
...а я буду с мячиком играть! А ты в своей
колясочке сиди!
...Машенька!!! Так нельзя говорить!!!
...кривой...*

Жалость. Илья часто думал о ней. Как и все инвалиды с рождения, он, сколько себя помнил, обладал болезненной чувствительностью на любое проявление фальши по отношению к себе. Интонация, жест, подбор слов в банальной фразе, обращённой к уродцу, возлежащему на кровати... и зачастую просто тужащемуся в подкладное судно. Запоры... профессиональная болезнь всех лежачих больных...

На его пятнадцатилетие, когда врачи Илье в очередной раз воткнули в кости спицы, пытаясь каким-то новомодным способом выпрямить его несчастные ноги, весь 8-А класс завалился к нему в больничную палату с подарками.

Сюрприз!

Илья знал, что основательно прикрыт одеялом — спасибо маме! — но лежать на толчке и смотреть

на раскрасневшихся от собственного милосердия одноклассников... это...

...это было кошмаром.

Лариска... красивая, ловкая, чем-то похожая на подружку Mad Squirrel, мультики о котором пришли в Россию много позже. Лариска, за один ласковый взгляд которой он отдал бы свою никчёмную душу! Лариска, отбивая по больничному линолеуму такт носком белой кроссовки, торопливо читала какой-то стишок, явно сочинённый общими усилиями всего класса:

*Выздоравливай, Илья!
Ждёт тебя домой семья!
Ждут тебя твои друзья,
Наша «классная» и я -
Лариса Ин-но-кен-тье-ва!
С днём рождения поздравляем,
Счастья, радости желаем...*

Тыр-тыр-тыр-тыр...

Она торопилась — у неё же *тренировки*.
Тренировки в секции фигурного катания.

Мишка Дронов, странным образом получивший ещё в детстве кличку Нацист, — возможно за вечно поблёскивающие на носу круглые очки а-ля Гиммлер, а-ля Леннон, а-ля

Берия, — Мишка Дронов сиял лицом. Он только что удачно подцепил бугаю Копычу на воротник записку «Пни меня!!!» и благополучно сместился в центр толпы одноклассников, зарабатывая себе железное алиби...

Да, они любили Илью. Любили и знали, — да, в глубине сердец они *знали!* — что Илья останется там же, где и последний звонок, белые фартучки, мел, физкультурные маты и парты, изрезанные сакраментальными: «ACDC» и неизменными «Гюльчактай + Нацист = не порви мне целку!!!»

«Нет, други мои, нет! Милосердие мало известно инвалиду с детства! — смутно подумал Илья, пытаюсь встать. — *Настоящее* милосердие...»

— Что за хрень, Сашка? — спросил он слабым голосом. — Землетрясение на Урале?

Сашка не ответил. А что, собственно, Илья ожидал услышать от своего друга?

* * *

Они стояли на лоджии первого этажа и смотрели на двор. В сером тумане, взвесью в мутной жидкости, проступали ближайшие ветви тополей, но стволов уже не было видно. Тишина была мёртвой.

«А вдоль дороги мёртвые с косами стоят. И тишина...» «Нечистая!!!»

Как мы смеялись в детстве, глядя на косоглазого Крамарова в смешной папахе, разводящего руками у костра.

«Бурнаши мост подожгли!»

...дым? туман? авария?

Полумрак наваливался на него невыносимой тоской. Почему так тоскливо? Почему? Живы — и слава Богу! Небось, не вымерли...

Чёрт, а что если это — смерть?

Глава 7

Мэр

Никто не любит непредвиденных обстоятельств, никто! Вот скажите на милость, надо ли городским и областным властям такая напасть, как Пришествие? Ну, Москве — той всё по барабану, а нам, уральским? А уж буча поднялась — хоть святых выноси. В мэрии и местном МЧС за голову схватились. Напасть почище, чем взрыв на Сортировке в 1989 году!

Мэр только-только оправился после апрельских событий с массовыми выступлениями

пенсионеров, а тут на тебе. И главное, все недовольны! Жители 21-го дома, которые вернуться в свои квартиры не могут — орут. Ищи им места в гостиницах. Хотели, было, их всех в пустующей свежесданной элитке поместить — строители на дыбы встали и заломили такие цены, что полбюджета городского отдай и то не хватит. Соседние с 21-м домом жители орут и сопротивляются СЭС, которая вздумала по всей окрестности с дозиметрами и газоанализаторами шастать.

При каждом специалисте, — а они со всего мира прут и прут! и каждому лизни, споспешествуй, обеспечь! — по два милиционера с оружием, а то народ озверел вконец. Стёкла, как водится, привезли, чтобы по округе окна стеклить, так перетаскали этой халявы столько, что на сотни теплиц хватит. Едва раздачу упорядочили — Шойгу из Москвы примчался и кулаком по столу — эвакуировать весь прилегающий район, мать вашу так и переэтак. Семидесятую школу с английским уклоном — гордость нашу, выселили, в штаб превратили. По классам, да коридорам офицеры, учёные, журналисты и прочая братия на раскладушках ночует — бардак!

ФСБ и УВД перегрызлись мало, что не до стрельбы. Такое дерьмо на шею себе вешать не хочется, но с другой стороны, случись чего —

можно и через чин вверх перепрыгнуть, а то и орденок схлопотать, а? Вот и шлют друг другу гневные письма, орут друг на друга в телефоны и все вместе дружно жалуются в Москву. А тем временем горожане и приезжие всеми правдами и неправдами через оцепление пробираются. Да и словечко это — Пришествие — как-то само собой из воздуха возникло... и все с ума посходили.

Престарелые хиппи с кришнаитскими кучками чуть ли не крестным ходом идти собираются. Особо опасные уже и «сталкерами» себя называют, в Зону рвутся, артефакты разыскивать, с неведомыми космическими Странниками знакомиться. Церковь воды в рот набрала, помалкивает. А уж им-то сам Бог велел паству успокаивать! Да только какая там паства... бабоньки несчастные, чьих детей в Чечне поубивали, да жизнью раздавленные, кто водку пить не хочет и хоть малейшего утешения ищет. А им это Пришествие вроде падения кометы Шумейкера-Леви — ушедших не вернёт и жизни не наладит.

Из Академии наук полторы недели ни ответа, ни привета не было, да вдруг навалило их туева хуча и все бумажками размахивают, мол, пропустить, не чинить препятствий, всячески споспешествовать, всемерно помогать! Размести их как можно ближе к дому, да подачу электроэнергии

обеспечь, да связь бесперебойную, да охрану оборудования, да еду-питьё, да... да мало ли чего?

Часть горожан, кто побогаче, из города свалили. Грех сказать, ни в облдуме, ни в гордуме кворума набрать не смогли, хотя, между нами говоря, на кой хрен они нужны, эти заседания? Тут успевай, крутись по 25 часов в сутки, чтобы хоть как-то эту кашу разгрести. И понять людей можно — кто его знает, что за штуковина такая в городе объявилась? В 1986 году в Киеве тоже уверяли, что, мол, ничего страшного, хоть вылизывай асфальт и объедай листья с каштанов. А потом — хлоп! — слейте воду, тушите свет и ждите рака крови. Нет, лучше уж за городом отсидеться, благо погоды нынче стоят хорошие... а то и вовсе дёрнуть куда подальше, а заодно и капиталы вывести.

А тут ещё и армейские всполошились, наконец. Загрохотали по улицам БТР, встали на перекрёстках блокпосты, забегали солдатики туда-сюда. Цирк, ей-богу, цирк, гори оно всё синим пламенем!

Что уж про прессу говорить... той понаехало — не продохнуть. Ну, с местной шантрапой разговор короткий. Приучены уже лишнего не болтать и начальство нахваливать, а вот с иностранными щелкопёрами ума не приложишь, что делать. Да что там говорить, вон, давеча выясняется, что полмира целый день чёрным

коконом в прямом эфире CNN любовалось с самой, что ни на есть выгодной точки. Что, где, откуда? А всё просто, друзья мои! С крыши завода «Промсвязь», где, кроме армейских наблюдателей и быть-то никого не должно! Высотка административного здания завода как раз напротив дома, через улицу расположена. Ста метров не будет по прямой. И что интересно, сунулись ловить засранцев... а тех нет уже. Говорят, опоздали с задержанием. Пост на крыше погонями и мамой родной клянётся, что, мол, не было здесь никого. Это, дескать, из окна этажом ниже! А там уверяют, что у них и муха не пролетала. И морды у всех масляные, и у солдатиков, и у учёных, и у ментов, не говоря уж об армейском начальстве... чёрт бы побрал нашу вечную коррупцию!

Одно хорошо — весь мир теперь мэра фамилию знает. Здесь главное, два раза в день в штабе интервью давать и расписывать, как ты в этой ситуации крутишься-вертишься, спасаешь положение. Бей себя в грудь, рви рубаху, води за собой денно и ночью двух операторов, небось не вспотеют. И гнать всё это в эфир на своём заведённом давно, ещё в 90-х, личном телеканале. А других репортёришек, из местных, по мере возможности — гнать взащей! Пусть нашими видеоматериалами пользуются. Все видеть должны, что наш мэр недаром свой хлеб жрёт: ночей не

спит, днём не зевает, в каждой бочке полезная затычка и вообще — единственный, кто пытается во весь этот хаос внести некую струю организованного порядка. Этому нас учить не надо. Слава Богу, пятнадцать лет на этом посту, тёртые калачи! Лысый Лужков может сесть на попу и отдыхать. Нет теперь в России другого, более популярного градоначальника... и кепку дурацкую носить не надо. А губернатор у нас старенький... смекаете? Глыба, исполин, конечно, но старость-матушка и не таких к земле гнёт...

Эти мысли мелькали в голове мэра Екатеринбурга, когда кортеж чёрных машин мчал его в составе губернаторской свиты в аэропорт Кольцово, где уже заполошно суетились, готовясь срочно встречать самого президента с невиданно многочисленной свитой...

Чёрт, спать хотелось невероятно! Голова, как чугунок с горячей кашей. Недосып — вот хроническая болезнь любого толкового хозяйственника. «А я — толковый хозяйственник, — подумал мэр, прикрыв тяжелые веки. — Это тебе, господин губернатор, не с папским нунцием и архимандритом московским в резиденции встречаться, конфессионные проблемы Пришествия решать. Чужую беду — руками разведу... ха! А ты реши, старый пень, хотя бы одну маленькую проблемку. Да срочно реши! Да в

ряду сотни других, важных и срочных! Сам знаешь, что в России любой чинарёк на себя ничего брать не собирается, если не круглый дурак. Нет, господин губернатор, чинарёк всё на меня, на мэра сваливать будет, пока я лично так ему мозги не прочищу, что страх потерять свою синекуру перевесит перед страхом ответственности.

Реши-ка, к примеру, простенькую ситуацию — сортиры уличные. Зачем? Ах, ты и не подумал? А между тем солдатики, демонстранты, учёные и менты, зеваки и журналисты — все, извиняюсь, по кустам и близлежащим подъездам гадят. Извини, господин губернатор, но квартирки в соседних домах с боем берут, с мандатами от Реввоенсовета... тьфу! — от Чрезвычайного Научного Комитета... где сидят старые пердуны и только о своих дифференциальных уравнениях, интегралах и прочих постоянных Планка думают. И в квартирках этих по двадцать человек набивается, да! А тут ещё бывшие жители порываются не только мэрию спалить, но и в оцеплённую зону прорваться и передушить всю эту чёртову ораву, которая несчастным и ковры измочалила, и сортиры забила, и мебель перехряпала. Ну, и требует таких немислимых компенсаций за потерянное жильё и сгинувшее барахло, как будто, — чтоб их всех чёрт побрал, — стены их малолитражек из золота выложены были!

Мэр вздохнул и внезапно почувствовал такую усталость, что неудержимо потянуло буркнуть водителю, чтобы тот поворачивал обратно — да ну их всех! Лечь, выспаться, принять душ, побриться не спеша, ещё раз послать всех нах... — и уехать на дачу.

На озере сейчас хорошо... тепло и солнечно! Знай себе, в земле ковырайся, да пивко потягивай...

Глава 8

Президент

Президент был деловит и сух. С неудовольствием приняв хлеб-соль, он тут же передал его куда-то вбок и сходу взял быка за рога. Прессе было сказано, что всё основное президент скажет прямо на месте преступления... тьфу! — происшествия. Имеющиеся в свите президента научные светила тоже выложат своё материалистическое мнение на расстоянии не более ста метров от малоизученного явления природы и вообще — наши цели определены, задачи поставлены — за работу, товарищи! Ввиду того, что всё происходящее весьма смахивало на некое стихийное бедствие, президент был одет в лёгкую кожаную курточку-поддержайку, демократично расстёгнутую по случаю тепла.

Вся свита понеслась в город. В салоне

президентского автомобиля было в меру прохладно. Неплохую, кстати, тачку приобрёл губернатор, неплохую. Прибарахлился тут, нашими милостями... резиденцию отгрохал — мини-Кремль земли Уральской...

Президент выслушивал губернаторский доклад, стараясь не обращать внимания на мелочи и ухватить проблему в целом. А проблема стояла нешуточная. Никто ничего толком сказать не мог. «Вот не было ничего, а через минуту — бац! — появилось, Бог его знает откуда. Не то безопасная игра природы, не то предвестник Апокалипсиса», — вот, собственно и всё, что могли сказать наши прикладная и академическая науки по этому поводу. Поутру бравые вояки тоже докладом «порадовали», оказывается, ночью один из снайперов сломался — выстрелил-таки по кокону. Хорошо, что с глушителем. Никто выстрела и не заметил. Видимых изменений в коконе не произошло. Пуля то ли срикошетировала, то ли в кокон вошла — все только плечами пожимают. Нервного снайпера повязали и выпнули подальше, а теперь готовят приказ об отчислении его из рядов спецназа. У населения массовых психозов пока не наблюдается, но все на нервах. Опять-таки, почему? Руками разводят. Нет изменений ни в воздухе, ни во всех известных нам видах силовых полей. Позавчера всполошились было — селен в воздухе

резко подскочил, — караул, застава в ружьё! — да за несколько часов с облегчением выяснили, что принесло его с северной стороны, из Верхней Пышмы, с медеплавильного комбината.

А самое главное, чудом Господним из людей в доме и не было толком никого! Вот уж гадай, совпадение или Божий промысел? Из прописанных жильцов — инвалид с первого этажа один в доме остался. Ну, и случайных, может, человека два-три. И всё. *И всё!!!* Вот, скажи кому — не поверят!

И не верят, между прочим. Слухи идиотские ползут, что, мол, военные свои дела втихомолку мутили-мутили и доигрались, наконец. Америку, мол, догоняли, как всегда. Ну, и пукнули из какой-то научно-космической пукалки, и в дом угодили, и теперь помалкивают в тряпочку, а зараза, мол, от дома ползёт неизученная, но злая и невероятная. И в доме том, дескать, три тыщи народу из заключённых сидят в цепях военного эксперимента по контролю над разумом. Да белых мышей две тонны. А на крыше привязаны обезьяны — мученики Большой Науки и плачут кровавыми слезами, тонкие слабые лапки к людям с мольбой протягивают.

Тьфу! Бред какой-то... а ведь верят!

В Думе обнаглели — запрос сделали, паразиты, к министру обороны... спасибо, очень вовремя. Ничего не скажешь, поддержали

всемирно избранного. Мэр у них тут и то толковее. Но и тоже — хитрый мужик. Явно в губернаторы метит...

Надо с юмором сказать пару фраз из подготовленных. Но и не вольничать. С одной стороны показать, что дело житейское, а с другой, что мы относимся к нему с максимальным вниманием. Ну и сообщить о плане создания Международной Научной Комиссии (МЕНАКОМ — красиво звучит!) под эгидой ООН. С этой стороны как раз у нас задница прикрыта, это хорошо. Упредить надо только Барака Обаму, чтобы он первый об этом не сказал, такие вещи всегда приятно действуют на массовое сознание. Так, мол, и так, «мы предложили международному сообществу»... и все — ура! батюшка наш, благодетель, а то мы сами-то не догадались бы.

Губернатор торопливо сказал:

— Вот мы и подъезжаем!

«А то я не вижу», — подумал президент и стал смотреть в окно.

Вот он, кокон!

Президент немножко погордился собой. Надо же — приехать *сюда*, на то самое место, о котором в «Эхе Москвы» известный ватиканский теолог сказал: «Возможно, именно здесь Господь решил дать шанс человечеству осознать, КАК далеко всё

зашло!»

Однако... говённо он смотрится, этот чёртов кокон!

...притащился тоже мне рейтинг...

...может повернуть? может...

...рейтинг...

...уехать!

Президент молодцевато расправил плечи и легко выбрался из машины. В толпе закричали и замахали руками. Пора было, состроив многозначительную мину, начинать отрабатывать горький президентский хлеб.

— Я обращаюсь к гражданам России, ко всем людям планеты...

Он говорил, делая многозначительные паузы, собираясь с мыслями и твёрдо глядя камере в объектив. Всё было привычным — боковым зрением он отмечал штатную суету охраны и прессы. В толпе бормотали, кашляли и чихали. Всё, как всегда.

Вот только стоило больших усилий не поворачивать голову, чтобы ещё и ещё раз взглянуть на гигантский кокон. Президент боялся, что, взглянув на огромную чёрную мразь лишний раз, его глаза *вытекут* .

Страх был детским, это правда. «Я же взрослый человек! — бессвязно подумал президент, продолжая говорить. — Я прекрасно понимаю — это всего лишь... это просто феномен такой...» — и поймал себя на том, что, подняв правую руку, судорожно прижал её к сердцу. Вот уж незачем! Что это с ним? Он плавно отвёл руку, показывая на кокон:

— ...социальной напряжённости. Я ещё раз повторяю — мы не допустим того, чтобы определённые силы спекулировали на природе этого феномена и его местонахождении, пытаюсь дестабилизировать...

Пронесло, не споткнулся!

Он чувствовал, что вспотел. Оставалось ещё три-четыре минуты и — слава Богу! — можно закругляться. Пресс-конференцию лучше всего провести по запасному варианту. Не здесь, нет! Прямо в актовом зале школы-штаба. Там, на всякий случай, тоже всё подготовили. И идти всего метров тридцать... там хотя бы за стенами будешь...

— Мы призываем международное научное сообщество в очередной раз продемонстрировать, что наука, научная мысль всегда стояли выше конфессиональных, расовых и иных политических различий. Создание МЕНАКОМа позволит нам в максимально возможные сроки ответить на наиболее волнующие вопросы...

«Тётя Оля! Тётя Оля! Тётя Оля! А вашему Витьке песком в глаза насыпали! Баба Лена «скорую» просит вызывать!» — выпалили в голове писклявым голосом Лидки со второго этажа.

...больно страшно больно!

...ослеп я ослеп я ослеп!!!

...мама! мама...

...мама будет ругаться...

Нет-нет, я не буду смотреть на кокон!!!

— Я не хочу слишком долго... — начал президент и осёкся в ужасе. Боже мой! Он чуть было не сказал вслух, сам не зная, почему: «Я не хочу слишком долго торчать здесь, где песком выедает глаза!»

— Э-э-э... я не хочу, чтобы мы слишком долго «раскачивались»... Э-э-э... в структурировании многочисленных вопросов, вызываемых феноменом... и... Э-э-э... вычленили из всей гаммы... наиболее важные... Э-э-э... наиболее знаковые и масштабные.

Да что же это со мной?!

Зачем зачем ЗДЕСЬ???

...пусть бы Обама пусть бы в Америке...

...глаза...

— Таким образом, мы берём на себя обязательства обеспечить максимальный доступ к феномену всех квалифицированных специалистов и ждём понимания со стороны мирового сообщества!

*...три минуты говорю целых три минуты
пора уходить уходить уходить!!!*

Глава 9

Корреспондент

Злополучный дом в чёрном коконе показывали президенту у школы. Школа стоит на низком пригорочке. Наискосок — метров сто пятьдесят через перекрёсток до дома, не больше. Ну, и президентская охрана настаивает. Упасти Бог, чего случится, в школе и бомбоубежище имеется, и футбольная площадка, где вертолёт дежурить будет, и вообще — там чрезвычайный штаб расположен. Словом, во всех отношениях удобное место. Да и прессе есть, где развернуться. Открытое место этот перекрёсток. Лишь бы за ограждение не лезли. Президент лично приказал, чтобы на встрече не было никаких толп с портретами, флажками и прочими выражениями верноподданности. Пусть в охраняемой зоне будут лишь те, кто имеет на это

право в силу служебных обязанностей, да!

Однако народу накопилось немало. Умудрялись проскользнуть как местные жители, так и приبلудный народ, за последние дни понаехавший в Екатеринбург со всех уголков земли. И то сказать, пойди, уследи за всеми! Из городских ментов, считай, всех, подчистую, на охрану поставили — бдите! И чтобы комар носа не подточил! А всё равно — не хватает. Армейским и тем доверять нельзя. Что внутренним войскам, что курсантам артиллерийского училища, что прочим нагнанным военнотружущим. Не раз и не два пропустят за денги, за водку, за сигареты. На свой страх и риск, конечно. Менты выловят — на нас не жалуйся, так и скажем, что мы, мол, тебя вообще в первый и последний раз видим.

Одного прихватили, грех признаться, у самого кокона. Взбаламученный такой, бородатый мужик, явно не от мира сего. На шее иконка, на плечах серая хламида, в руках корявый посох, в глазах безумие — так к кокону и рвётся. Но те, кто близко подходил, знают, что помимо того, что от чёрной заразы холодом несёт, так ещё и кости и зубы начинают ныть. И чем ближе, тем сильнее... в геометрической прогрессии.

Живодёры биологи-физиологи собаку в клетку посадили и стали на выносной стреле крана поносить бедное животное к кокону. Ох, и взвыла,

бедная! Да ладно бы остановились, паразиты, так они стрелой прямо в кокон и тычут. Тут несчастной собаке и вовсе плохо сделалось. Пока туда-сюда, все датчики, которыми дворняжку облепили, как с ума сошли. Пульс — запредельный, температура упала, судороги, пена из пасти и все прочие неприятные явления. Вытянули клетку обратно, дверцу открывают, а бедная Жучка мёртвая уже. Поволокли её на вскрытие, а она вдруг задёргалась, цапнула мужика-лаборанта за руку, — гермокостюм прокусила насквозь! — вырвалась и рванула куда подальше, поджав хвост. Так и чесанула по Серова в сторону Зелёной Рощи у храма Александра Невского и там, в кустах и соснах затерялась, так и не нашли. Думаю, повезло собаке, что не нашли! Поскольку укушенного ею лаборанта теперь распатронили не хуже Жучки. Анализы, соскобы, рентген, «телевизор» в задницу, кишку в желудок, томография головного мозга, пункция позвоночной жидкости, постельный режим в герметизированной палатке... и чтоб у меня ни одной пылинки наружу не вылетело, не то всех под трибунал!

Так что наш богоискатель с иконой до самого кокона не дошёл, скукожился. Выволокли его и ФСБ сдали. Нехай они мужика сами трясут, авось что и вытрясут по ихней части. А по нам — и так видно, что мужик чокнутый. Поскольку на

сакраментальный вопрос перепуганных и злых ментов: «Ты кто такой, с-с-сука?!!» — человек просветлённо ответил: «Гэндальф!»

Все эти слухи, байки, разговорчики в строю и прочий народный фольклор пропадал у репортёра Форманчука абсолютно бесполезным хламом. Нельзя, понимаете? Нель-зя-а! Всех российских журналистов брали под белые руки и проникновенно заглядывали в глаза. Вот что, дорогая гиена пера, входи в положение. Кризис на дворе, понимаешь? Народ и без того нестабилен и если ты тут, гнида, начнёшь панику нагонять, то... сам понимаешь, не маленький. Будет тебе ещё время всю правду рассказать, книгу написать или цикл телепередач замутить — будет. А сейчас нажимай-ка лучше на научные пресс-релизы. А если тебе неймётся, то можешь расписывать в золотых и розовых тонах слухи о том, что, де, Богородица знак нам явила — плохо живёте, товарищи. И друг друга не любите, и природу, вашу мать, и власть, которую сами же выбирали. Вот и наслала Она на нас скверны знак, чтобы одумались, покаяться и занялись, чёрт возьми, наконец-то, делом, а не распространением безответственных слухов!!!

Форманчук выплюнул докуренную до фильтра сигарету и достал другую. В отличие от молодняка, он давно уже не считал себя ни вторым

Познером, ни первым Малаховым, ни равноподобным Парфёнову. Он и в телевидение-то подался в 90-х, когда НИИ чтоб-оно-всё-сдохло-к-чёртовой-матери обработки металлов приказал долго жить. Институту что? Он всего лишь счёт в банке, печать и здание — фикция, неживая субстанция... а вот живому Форманчуку, тогда ещё младшему научному сотруднику, в отличие от неживого института многое чего хотелось. Есть, пить, одеваться, разбогатеть, натрахаться вдоволь и увидеть наконец-то мир.

Из всех жизненных поворотов последовавших после перестройки, Форманчук вынес только стойкий цинизм и лысину. Лысина вкупе с очками и бородкой а-ля Мефистофель придавала бывшему учёному вполне умный вид, не говоря уже о высшем техническом образовании, просто-таки написанном у него на лице. Последнее было редкостью среди нынешнего поколения репортёров, имеющих, как правило, дипломы местного журфака... то есть, положила руку на сердце, не имели никакого образования в целом. Их редкая дремучесть и вызывающий непрофессионализм доводили Форманчука до разлива желчи, а то и приступов ипохондрии. Но... куда уж теперь деваться? Надо было вовремя подсуетиться ещё в 1990-м и продать всё-таки тот злополучный вагон с бракованными вольфрамовыми стабилизаторами

ракет класса «земля-земля».

Вагон прибудиллся и был забыт в Талице на запасных путях, где его торжествующе обнаружил Форманчук, приключившийся в тех краях по служебной необходимости. Сейчас всё звучит просто — чего такого? — взял, да и продал вагон вместе со всем содержимым на бирже металлов. Получил кэш, набил кейс, воровато рванул домой, молясь, чтобы не шлёпнули и не ограбили по дороге... и живи, не горюй!

Однако, мои маленькие друзья, тогда это тоже было непросто! Во всяком случае, для Форманчука образца 1990 года. В итоге в тайну были посвящены девять человек, привыкших более воровать спирт у заведующего лабораторией и тискать по командировкам горничных в Доме Колхозника, чем действовать сообразно новым экономическим условиям. Месяц прошёл в горячечном бреду мечтаний и бесконечной беготне по разнообразным инстанциям... да так всё в песок и ушло. Ни денег, ни вагона, ни друзей, ни работы, поскольку к тому времени институт, — и так-то практически полностью развалившийся, — стремительно сгнил.

Быть корреспондентом новостей одного из (а какая разница — какого? везде одинаково!) местных телеканалов и хорошо, и плохо. Плохо то, что денег тебе платят мало и смотрят на тебя криво,

подразумевая, что в репортёрах работают только те, кто уж вообще ни черта не умеет. А хорошо то, что работа эта — хоть и суетливая, но всё же приносит некий доход. Зато и день на день не приходится. То густо, то пусто, то и совсем непонятно как. Бывали, конечно, и светлые дни. Последние лет десять Форманчук пристроился к тем шустрякам, кто периодически работал от выборов к выборам, получая от этих шустряков приработок. Конечно, с двумястами тысячами баксов, которые как-то срубил директор телекомпании на выборах губернатора в 2003 году, гонорары Форманчука не сравнить, но всё-таки...

Раздражало в этих политических приработках только одно. Бывало, по окончании политического сезона, соберутся в летнем кафе две-три команды журналистов, бывших антагонистов. Пиво пьют, веселятся, все всех чуть ли не с детства знают... и вдруг, ни с того, ни с его, начинают друг друга поливать. Мол, ваш-то барин — не то, что наш! Наш и осанистее будет, и лапа в Москве у него волосатее, и на чай он нам больше, чем вам, задохликам, отсыпал! Чисто лакеи меж собой переругаются. И что интересно — половина из спорящих журналистиков, гордо именующих себя «консалтерами», за последние десять лет раза по два-три из своего политического лагеря в лагерь противника перебежала. И точно также каждый раз

своего барина нахваливала...

И смешно, и противно. Противно потому, что сам, честно говоря, такой же, как и все эти молодые лошаки.

— Едут! Едут!! — заорал кто-то над ухом и Форманчук, погружённый в свои мысли, подскочил от неожиданности. Маратка, нынешний его оператор, водрузивший штатив видеокамеры на один из бетонных блоков, перегораживающих нынче перекрёсток со всех четырёх сторон, подсигивал от восторга.

— Ну, царь-батюшка прибыли-с, — кисло пробормотал Форманчук и тяжело взобрался к Маратке.

Вот, спрашивается, на кой ляд он здесь торчит? Телекамер на президента нацеленных, тьма-тьмою. Историческое событие, как-никак. Форманчука с дураком Мараткой и на сто метров не подпустят. Снимут они сейчас общие планы толпы, наискосок телеобъективом подснимут, возможно, президента, глубокомысленно смотрящего на кокон в бинокль. Да и то, скорее всего, на картинке по бокам люди будут президента загораживать... и ни хрена в вечерний репортаж эти кадры не войдут, а войдут те, что будут через интернет сдёрнуты с рабочих FTP ОРТ или «России».

— Глянь, глянь! — восторгался Маратка,

прикинув к видеоискателю. — На ходу трендит чего-то! А охраны-то, охраны!

Президент остановился и начал говорить.

Форманчук услышал тонкий пронзительный писк. Крыса? Да откуда ей здесь, на перекрёстке, взяться? Писк становился громче и Форманчук увидел, что огромная толпа завертела головами, пытаясь понять, что к чему.

Глава охраны попытался загородить собой президента, остановившегося на полуслове.

В долю секунды писк взвыл до громового рёва! Холодный пронзительный ветер со всхлипывающим вздохом ударил толпе в спину. Одновременно лопнули и разлетелись по сторонам многочисленные объективы телекамер и фотоаппаратов. Порыв ветра сдвинул всю толпу в сторону дома. Люди падали, ломая руки и ноги. Президент упал на четвереньки. В ладони вонзились осколки стекла. Что-то сильно ударило его под зад, и он перекувыркнулся через голову. На него падали кричащие люди. В спине хрустнуло. Президент попытался что-то крикнуть, но внезапно всё прекратилось. Надо же... он пролетел метров пять вперёд и теперь лежал в грудe тел, видя перед собой кокон, покрывшийся тошнотворно корчащейся рябью. Вокруг кричали, стонали и ругались. В затылок президенту упёрлась чья-то

подошва, а подбородок ткнулся в чужой локоть, обтянутый полушерстяной пиджачной тканью. Локоть мгновенно заёрзал, больно попадая президенту по губам.

Дурак Маратка уже лез через невысокую сетку забора вокруг школы. Он что-то кричал Форманчуку, видимо, предлагая бежать как можно дальше, но репортёр только отмахивался, разворачивая камеру на штативе, пытаясь дать панораму. Слава Богу, слава Богу, слава Богу — бухало сердце. Их с Мараткой *не задело* !

При просмотре изображения в замедленном темпе видно, как странный порыв ветра обозначил себя поднятой пылью. Узким и длинным потоком он возникает прямо вдоль улицы, запруженной толпой. Отчётливо видно, как люди валятся с ног — эти маленькие оловянные солдатики. Солдатики превращаются в тряпичные куколки, которых тугая пылесосная струя тянет к кокону... и вдруг жестокий напор прекращается.

Милиционеры рядом с Форманчуком дружно приседают. Кто-то стреляет несколько раз по кокону, а потом поворачивается и лезет через забор, за которым Маратка давно уже опасно выглядывает из-за угла школы.

Бешено стучит сердце, руки трясутся... *стучит ... нет, это не сердце ! Это...*

Напротив Форманчука, прямо на крышу бывшего подземного гаража, над въездом в который ныне красуется гордая алая вывеска «Автомойка_Шиномонтаж», боком падает вертолёт, арендованный телевизионщиками. Лопасты слепо бьют по асфальту крыши, как ужасающие великанские сабли. Вертолёт с грохотом взрывается и начинает жарко и дымно гореть.

Зрители телеканалов CNN, НТВ, РБК и так далее, видят лишь «снег» на своих экранах.

Форманчук пытается повернуть камеру, но застывает в ужасе. Огромный кокон резко выдыхает втянутый в себя воздух. Раздаётся громовой удар. Ноги Форманчука рефлекторно дёргаются. Со стороны кажется, что он косо подпрыгивает вверх и падает на бетонный блок. Рядом с ним по-прежнему не задуло бы и свечу, но по улице Серова плевков узкого и длинного ураганного ветра выдувает всё, что лежит на его пути, назад...

И снова, и снова!

Словно кто-то хохочет, уткнувшись лицом в стеклянную поверхность стола, на котором маленькие бумажные фигурки разлетаются в разные стороны...

В Кремле глава правительства автоматически становится исполняющим обязанности президента.

В Вашингтоне президент Обама соглашается на предложение объявить повышенную боевую готовность. В Екатеринбурге (бывший Свердловск) репортёр Форманчук поворачивает камеру из стороны в сторону. В горячке он не замечает двух сломанных рёбер.

Кокон перестаёт «хохотать» и обрастает мглистыми облаками. Сквозь серые и чёрные полосы крутящихся облаков торчат угольные «ветви». Одно из уродливых корявых растений, почти сразу прозванных «чёрными саксаулами» вырывается из земли, выворотив пласты асфальта и подняв на свою крону труп начальника охраны с переломанной шеей и перекрученное тело какой-то дамочки из губернаторской администрации. От веток идёт не то пар, не то дым, в струях которого кажется, что трупы шевелятся.

Другие «кусты» в кадр не попали.

Один из охранников президента, очумело торчавший неподалёку, отбирает у Форманчука камеру и больно бьёт его по лицу. «Нет, не получить мне ни бабок, ни Пулитцеровской премии!» — мелькает в голове репортёра. «Это секретно, это секретно!» — орёт охранник и, пригибаясь, бежит с камерой куда-то в сторону. Отбежав вдоль забора метров тридцать, он перелезает через него и несётся ко входу в школу-штаб, размахивая пистолетом и что-то

непрерывно крича Однако через тридцать минут запись камеры Форманчука уже передают на CNN. Следующие шесть часов российские телеканалы возмущаются и непрерывно подчёркивают в своих репортажах, что уникальная запись сделана именно российским журналистом!

Форманчуку уже глубоко плевать. Он считает, что очень дешёво отделался. Дав до вечера в 40-й горбольнице несколько интервью осадившей его прессе, утром он исчезает из палаты, из телеканала, из города. С него хватит!

Мир

Пресса неустанно освещает масштабы трагедии, сравнимой с убийством президента Кеннеди в Далласе и событиями 11 сентября 2001 года. Хозяева семи екатеринбургских телеканалов потирают, было, руки... но внимание всех стран уже приковано к своим собственным проблемам.

В следующие 49 минут слово «ПРИШЕСТВИЕ» облетает всю планету Земля.

Труп президента найден ближе к полуночи. Телеуправляемый робот тащит труп за ногу подальше от гекатомбы. Но это уже никому не интересно.

Многие увидели в постоянно пульсирующем и окутанном чёрными струями коконе лицо Дьявола,

лик Люцифера, физиономию серийного убийцы Мэйсона, Гитлера, профили Ленина и Сталина, краткое изложение единой теории поля и т. д. Звук, сопровождающий «картинку» пугает. Тысячи энтузиастов, призвав божественные ряды Фурье, вычлениют из него разнообразную информацию, конечно же зашифрованную в огромном количестве гармонических составляющих. Форумы в Интернете забиты сенсационными разоблачениями и бесконечными прозрениями.

Барак Обама поднимает по тревоге резервистов.

В Ватикане Папа ведёт практически круглосуточное открытое богослужение. Несколько человек пытались пройти на площадь святого Петра с поясами шахида. Убито, по разным сведениям, до ста двадцати человек.

Её величество королева Англии, стоя на ступенях храма, сказала, что верит в Бога и свой народ: «Англия знавала тяжёлые времена, когда, казалось, впереди нет никакого просвета, и только чёрные тучи застилают горизонт! Но наши деды и отцы, стиснув зубы, продолжали делать то, что заповедовали нам наши прадеды — защищали милую Родину, веря в Бога, в себя и корону!»

В Африке вырезают миротворцев ООН и друг друга. Фотографии, с удовольствием делаемые

убийцами, тотчас выкладываются в интернет. В Сьерра-Леоне десятилетние пацаны Объединённого Революционного Фронта, как и десять лет назад, съедают сердце убитого, носят украшения, сплетённые из волос девственницы, выкалывают глаза, отрубаят руки и ноги...

В Индии со скоростью воды, хлынувшей из прорванной плотины, режут друг друга миллионы мусульман и буддистов. Спецназ мёртвой хваткой вцепился в землю, обороняя президентский дворец в Дели, осаждаемый разъярёнными толпами. Несколько вертолётов, эвакуирующих политиков и их семьи, сбиты в воздухе. Весь мир обходит фраза закопчённого порохом, мрачного сикхского полковника, третий день держащего оборону: «Свой долг я выполню, а боги, надеюсь, выполнят свой!»

В России восставший из политического небытия Жириновский обвиняет ЦРУ, МВФ и Пентагон в наглой попытке оболгать и обесчестить великий русский народ. Однако это проходит незамеченным. Нарастающая волна погромов катится по городам-миллионникам. Режут и инородцев, и русских.

В Екатеринбурге прорастающие на улицах «чёрные саксаулы» сеют невиданную панику. Церкви и храмы Большого Урала, от Перми до

Кургана, от Качканара до Челябинска переполнены... как переполнены самолёты и поезда, увозящие людей дальше... дальше... дальше отсюда! В электричках Челябинска пенсионеры, уезжающие с внуками «на дачи» спорят о Боге и Дьяволе, машинально приглядывая за помидорной рассадой, зеленеющей в кулёчках и пакетах из-под молока.

Май! Заодно и в саду поковыряемся... а Свердловск — он далеко, за триста километров!

По слухам, сумбурными сполохами прокатывающимся в толпах отъезжающего из Екатеринбурга-Свердловска народа, одно из уродливых «деревьев» появилось прямо на крыше Капитолия... а в самой Москве — на Красной площади! И у входа в Храм Василия Блаженного тоже раскорячился огромный «чёрный саксаул»!

— А второй, бабоньки, выезд из Спасской башни перегораживает!!!

— Доигрались, антихристы... вон, Павел Глоба говорил, что мы все погрём скоро!

— Глоба — это шарлатан. Бабка Ванга предсказала, что Китай войной на Сибирь пойдёт! Америка ему помогать не станет, нет! А африканские негры — будут!

— Что ты несёшь?! Нет, ну что ты несёшь?! Какие африканские негры??? Ну, ладно там арабы,

а то «негры»...

— Это японцы свои острова требуют, вот что я вам скажу! Там наука...

— ...свечку поставила. И святой Варваре, и Симеону-праведнику...

— Да ладно тебе! До Свердловска далеко! Это, как чума в 1972 году, помнишь? Тоже кричали «холера, холера!», а потом, уже при Ельцине, сами признались — биологическое оружие. Однако в Челябинске никто же не заболел!..

— Ельцин! Он же ваш, свердловский. Да он Родину американцам и евреям продал!

— Подожди, а это тут причём?!

— ...и глаза от него жжёт, если посмотреть. Но, говорят, трёхпроцентный раствор атропина помогает...

— Сталина на них нет, вот что я вам скажу!

Глава 10

Анна (дневник, продолжение)

«Анна приоткрыла глаза. В комнате было сумрачно. *"Сколько же времени я так провалялась? И вообще — что со мной, инсульт?"* Она шевельнула пальцами рук, согнула ноги. Нет, всё работает — не инсульт. Уже хорошо!»

А испугалась я едва не до обморока!" —

подумала Анна, машинально грызя шариковую ручку. Несколько секунд она представляла себя разбитой параличом, умирающей, брошенной, погибающей от жажды. Ну, как... как передать всё это на бумаге? Анна вздохнула и решила, что на свете есть вещи, о которых невозможно рассказать словами. Их можно только пережить. На всякий случай, оставив на листе место — вдруг слова всё-таки придут? — она взяла чистый лист и продолжила писать.

«...Анна медленно приподнялась и в изнеможении прислонилась к креслу. Голова гудела и кружилась. В глазах мельтешили золотистые мушки. Монитор на столе потускнел — вяло отметила она. Похоже, с ней действительно случился обыкновенный обморок. С чего бы вдруг? Ёлки-зелёные, неужто климакс, гад?! Нет, ну рано же ещё, рано... хотя... всё может быть...

Головная боль быстро стихала. Теперь ватная тяжесть свернулась в шуршащие комочки, как высохшие чайные листья, и угнездилась за висками. Это уже знакомо. Скоро пройдёт. Анна вспомнила, что при падении руки попали во что-то скользкое, неприятное. Удивленно посмотрела на ковёр, на ладони — чисто. Но ощущение липкости не проходило. Надо помыть руки с мылом, и вообще — умыться... если силы будут, то и душ принять.

Она осторожно прошла на кухню, отвернула кран — воды не было... никакой. "Так-так! Начинается летний сезон — пошли отключения. Про душ на время можно забыть!" — с обреченностью городской жительницы подумала Анна. Плеснула на руки из графина с фильтрованной водой, обтерла мокрыми ладонями лицо. Влажное полотенце прижала к шее. Уже легче.

Смеркается на улице... рановато, вроде бы! Она потянулась к выключателю. Щёлк! — ну, что за ерунда? Щёлк-щёлк... не работает! Анна раздражённо подняла трубку старого телефонного аппарата. Она специально сохранила эту модель — независимую от электричества. Второй аппарат — электронный "Panasonic" с базой и мобильной трубкой — при отключении света замолкал намертво. На этот раз молчал и этот старый верный аппарат. Молчал глухо — ни скрежета, ни гудков... вообще ничего!

Анна растерялась. Достав мобильник, уже не удивляясь, поняла, что он тоже умер — совсем. Даже время и дата на экранчике не светились. Словно кто-то отключил его без ведома хозяйки. Разрядился? А как его зарядишь без электричества? Господи, это что, война?! Да, ну, не сходи с ума... какая тебе война... авария!

"Кто-то когда-то всегда всё ремонтирует, Аня! Кто? Мужчины! Вот для чего мы вам и нужны! — наставительно сказал муж. — А баба за рулём — всё равно, что обезьяна с гранатой!"

— Это они так думают! — вслух сказала Анна. — Но чаще всего женщины справляются сами!

На одной площадке с Анной расположены двери ещё двух квартир. В одной из них жила пара пьющих пенсионеров — дядя Ваня и тётя Валя. К Анне они относились с уважением и любопытством. Безуспешно простучав в дверь минут пять (спят, наверное!), она на всякий случай стукнула пару раз и в соседнюю. Бесполезно — эта однокомнатная квартира без конца сдавалась-пересдавалась. А последний месяц там и вовсе никто не жил. Она вернулась к себе в комнату. Что же делать? Спать ложиться рано ещё — даже не стемнело, а просто сумерки. Она вышла на застеклённую лоджию и... Анну поразила необыкновенная тишина. С улицы не доносилось ни звука. Тишина вдруг стала такой осязаемо вязкой, что заложило уши.

Анна зажмурилась. Потом медленно открыла глаза и выглянула через стекло лоджии на оживлённую Московскую улицу. Ей показалось,

что кто-то там, за окном, нажал кнопку "стоп-кадр".

Она испугалась. *Она испугалась !!!*»

Анна отложила ручку. Продолжать не хотелось. Нет сил... нет слов. Невозможно описать то, что ждало её на улице.

Какое вялое слово — "испугалась"...

*Она вдруг почувствовала, что сходит с ума!
Екатеринбурга не было.*

*Были сумрак, туман, дым... всё что угодно.
Серое безмолвие окутывало дом.*

*На улице Московской смутно поблескивали
крыши стоящих в ряд автомобилей. Верхушки
сосен парка Зелёная Роща напротив едва
угадывались. Да и это-то, наверное, было игрой
перепуганного воображения.*

*И у тумана был свой запах... словно над
Московской горкой, густо заросшей
многоэтажными домами, кто-то огромный
вытряхнул колоссальный мешок серой влажной
пыли...*

...Через пять минут после того, как Анна, съевшись, вышла из подъезда, она поймала себя на том, что облизывает губы, втягивает голову в плечи и оглядывается, как преступники в кино. Более того, она вдруг поняла, что не пошла, как

обычно, по тротуару, а двигалась по газону, перебежками от тополя к тополи. Стоящий неподалёку киоск-магазинчик она неосознанно обошла по широкой дуге.

Выходить в подъезд из квартиры тоже было страшно. Но отрезок пути со второго этажа до выхода Анна преодолела бегом, стараясь не глядеть по сторонам. Привычно нажала на кнопку домофона и мимолётно удивилась, когда дверь не пискнула в ответ. Ах, да... электричество. Она толкнула тяжёлую железную дверь и та медленно распахнулась. Пошарив глазами по сторонам, Анна подобрала камень, лежащий неподалёку, и затолкала его ближе к косяку. Это, наверное, было лишним, но...

...но — *вдруг* — дверь, закрывшись, не пустит её обратно?! Да, конечно, магнитный замок работает только на электричестве... но — *вдруг?* Вот уж что-что, а ужас этого самого "*вдруг*" Анна чувствовала всем сердцем, всей своей кожей. Это проклятое "*а вдруг?!!*" заставляло холодеть руки. От него подташнивало. Оно отвратительными липкими каплями стекало по ложбинке спины...

— Нет-нет-нет... — пробормотала Анна, крепко зажмурившись. — Это никуда не годится. Это *паранойя*, дорогуша моя. Вот как это называется! Она глубоко вздохнула, стараясь не думать о том, что в воздухе висит неизвестно какая

дрянь, и задержала дыхание.

"Я дома. Я не должна ничего бояться! Я у себя. Я стою на привычной Московской улице, которая взбирается на Московскую горку города Екатеринбурга, Россия, планета Земля... и спускается с другой стороны, устремляясь к железнодорожному вокзалу. Я иду к автобусной остановке. Я иду ... предположим...*на работу! Да!*"

Она открыла глаза, на мгновение испытыв ужас, — ей показалось, что перед ней стоит покойник, покрытый морщинами... но это был всего лишь ствол тополя, перед которым она сейчас медитировала, как какой-нибудь древний друид. Анна усмехнулась, упрямо сжала губы и решительно пошла по майской траве наискосок через газон, прямо к замершей проезжей части.

Она медленно шла вдоль улицы, прямо по дороге, между рядами стоящих автомобилей и боязливо заглядывала в салоны. Каждый раз ей казалось, что на переднем сиденье она увидит труп. Постоянно хотелось оглянуться.

Внутри машин было пусто. Дверцы со стороны водительского кресла открывались свободно, ключи зажигания торчали в замках, сигнализация не срабатывала. На остановке застыл троллейбус с полуоткрытыми (или полужакрытыми?) дверями. Никого вокруг, никого

на тротуарах, никого за стеклами витрин, никого в транспорте, вообще — никого! Это мой город, вдруг ставший таким пустым и... *чужим* .

И — тишина... жуткая, абсолютная тишина. Анна даже не подозревала, что может быть *так* тихо. Господи, нет сил даже крикнуть... кажется, что громко произнесенный звук нарушит какое-то странное равновесие, балансирование на самом краю... и... и случится катастрофа!

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

Это не эхо там, за спиной, нет!

Анна в панике обернулась — нет, ничего и никого. Почему вокруг разливается этот странный свет? Это не сумерки, это какая-то мутная хмарь — то ли дым, то ли туман, то ли...

Будто не солнце пробивается сквозь мглу, а сама мгла светится...

Ей показалось, что под автомобилями, ближе к стенам зданий ЭТО становилось гуще, как будто прореженная дымка, уплотнённая тень, чуть колышется под её взглядом. Вот, опять!

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

Может быть, это тишина так шипяще свистит в ушах?

— Эй! — робко вслух произнесла Анна. — Эй! Здесь кто-нибудь есть? — И вдруг, не отдавая себе в этом отчёта, она завизжала. — Э-э-э-эй!!!

Крик увяз в тишине. Даже эхо прячется в этом странном месте... которое ещё утром было родным городом.

— Но это же МОЙ ГОРОД! — закричала Анна. — Где вы все? Ну, хватит вам, хватит!

Крик. Страх загнанного в ловушку зверя...

...лань лань это лань! и охотники там в подлеске!!!

...стволы ружей уже протянули невидимую нить между нежным боком и срезом дула... ...псы, рвущие клыками связки, — псы, вцепившиеся в пах...

...ножи...

...вспарываемый пулями бок...

...смерть...

Анна кинулась в дверь ближайшего магазинчика, модного бутика. Ну, кто-нибудь, охрана, продавцы — кто-то должен здесь быть?! Никого! Возле входа красовалась изящная напольная ваза под китайский фарфор. Анна схватила вазу, и с размаха хряпнула её по прилавку,! Стекла с торжествующим звоном полетели в разные стороны.

— Эй, смотрите, что я творю! Смотрите! Вот!

Вот! — она запустила горшок с цветком в дорожное витринное стекло. На улицу посыпались осколки.

Тишина...

— Заберите меня, заберите куда угодно — арестуйте, в милицию, в тюрьму, — только заберите меня отсюда, хоть кто-нибудь!!! — визжала Анна.

Крики утонули в равнодушной серой пелене. Анна покачнулась. По мягкой спирали она стремительно планировала куда-то в темноту. «Опять обморок? — мелькнула вялая мысль. — Я становлюсь тургеневской барышней».

Стиснув кулак, она ударила по стене. Боль привела её в чувство...

Выходить наружу не хотелось. Стоять рядом с разбитой витриной, постоянно чувствуя, как что-то с равнодушной жестокостью смотрит на неё сквозь туман, было страшно. Анна устало провела рукой по лицу.

— Вот так, значит? — сказала она. — Вот так вот...

Манекен тупо смотрел на неё. Идеальная фигура... тощенькие, гладкие ноги... яркие губы. Анна натянула манекену на нос широкополую модную шляпу. Ты всего лишь глупый кусок пластика! В примерочных кабинках стояли люди,

сдерживая смех. Когда Анна поворачивалась в их сторону, они исчезали с жестокими и наглыми ухмылками. В углах бутика манекены кривили губы в презрительных усмешках.

— Ну, за что же... так?.. — тихо сказала Анна и села в глубокое кресло, повернув его спинкой к глухой стене. Отсюда был виден весь бутик и разбитый проём витрины...

Спустя час она опрометью выскочила на улицу. А ведь и в самом деле — темнеет! Значит, время всё-таки движется. Значит, скоро ночь! Мысль о том, что она останется на этой жуткой улице ОДНА, в темноте, напугала её до полусмерти. Домой, домой, обратно к себе — там, по крайней мере, всё своё, родное! Анна шарахнулась от, как ей показалось, внезапно возникшего в густеющем тумане, киоска, и, пробежав метров пятьдесят, свернула в знакомую арку. Вот и двор. Растерянно остановилась: здесь туман сгустился необычайно. Возле подъезда проклятая хмарь застыла неподвижным серовато-жёлтым комом.

— Пустите же меня домой, слышите? — жалобно, сквозь подступающие слёзы, пробормотала Анна.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

И — словно чей-то взгляд за спиной. Оглянулась — никого! Знакомо заболели виски и глаза, кожа заныла. Опять ЭТО — это состояние, сравнимое с половым возбуждением, но доставляющее не радость, а мучительное чувство постороннего присутствия в себе самой.

— Я иду домой! — упрямо прошептала Анна и шагнула к подъезду.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

Туман облепил тело как скользкое желе. Одежда намочила сразу же, до белья. Волосы, кожа казалось покрылись теплым гелем. Это упругое НЕЧТО проникало в каждую пору кожи, в рот, в ноздри, забивало уши, выедало глаза. Ощущение растворения в этой массе, полного слияния с ней. Тело, мозг, сами мысли становились гелем-желе-туманом — растворялись — исчезали. Станный взгляд насквозь — выворачивает, полощет в густом мареве.

Ты — ничто, ты — никто, ты — нечто, тебя уже почти нет.

— Нет! — Анна с усилием подняла онемевшие руки. Чувствительные кончики пальцев, казалось, кровоточили — так больно было

рвать эту бестелесную туманную массу. — Нет! Я живая! Ты слышишь меня? Я — *есть* !

Туман дёрнулся в конвульсии и, съжившись, втянулся в подвальное окно. Анна, пораженная тем, что ещё жива, абсолютно мокрая, стояла у своего подъезда. Вход был свободен. "Вот ты и приняла душ", — нелепая мысль заставила её истерически расхохотаться. Обострённым восприятием она опять почувствовала на себе это странный, пристальный, холодный, оценивающий взгляд. Ей казалось, что она стоит совершенно голая и беззащитная перед ухмыляющимся хозяином. Она не видит его, а *он* разглядывает её со всех сторон, раздумывая как изощрённее поиграть с ней — новой игрушкой. Между ног стало горячо и влажно, по телу побежали мурашки...

Смех оборвался. Анна поняла, что *он* беззвучно смеётся вместе с ней...

Анна испуганно, по щенячьи, заскулила и кинулась в подъезд. Пулей взлетела на свой второй этаж, впорхнула в квартиру, крепко закрыла дверь, припёрла её телефонной тумбочкой, зачем-то накидала сверху всю висевшую на вешалке одежду: плащи, куртку сына, неубранное в шкаф демисезонное пальто. Схватила домашние тапочки, кинула в направлении двери один, потом другой, и замерла, тяжело дыша...

В квартире было тихо и тепло. Пахло

жасмином, который рос в горшке на солнечном окошке. "Жасмин всегда особенно сильно пахнет вечером" — подумала она. Она ухватилась за эту фразу, как за спасательный круг, не дающий ей утонуть в безумии.

— Жасмин всегда особенно сильно пахнет вечером! — она не замечала, что почти кричит. — Жасмин всегда особенно сильно пахнет вечером!

Эти слова успокаивали. Они были *правильными*. В конце концов, Анна пришла домой! Слышите, вы все?! Вы — кто бы вы там ни были!..

Анна пришла *домой* !

Она сняла с себя промокшую одежду и бельё, бросила всё прямо в ванну, вытерла волосы полотенцем. Одеда сухое и чистое домашнее платье. Уже совсем стемнело. Стараясь не смотреть за окно, плотно задёрнула шторы на окнах. Достала из шкафа большую восковую свечу, купленную в Храме по случаю Пасхи. На холодильнике лежал коробок спичек. Чиркнув спичкой, зажгла фитиль. Прошла в комнату, поставила свечу на стол рядом с неработающим компьютером.

Комната озарилась неярким мерцающим, теплым светом. Немного подумав, достала из своего "женского" шкафчика ещё несколько тонких разноцветных свечей (из настоящего воска!),

которые покупала зимой к своему дню рождения. Одну из них — зажженной оставила на подоконнике. Не раздеваясь, она легла на диван, прижимая к себе спички и "деньрожденные" свечки. Почувствовала на груди тепло гранатового крестика. Свернувшись калачиком, и крепко-крепко зажмурив глаза, Анна лежала, как в детстве, вдыхая успокаивающий запах свечного воска...

...измученная, уже засыпая, она опять почувствовала холод пристального взгляда на спине. Этот оценивающий взор ползал по её ногам, потом поднялся к бедру, пытаясь забраться под юбку... он был груб, как пьяный, страшный в своей силе, незнакомый и равнодушно-жестокый насильник.

Анна, не открывая глаз, нащупала одеяло и завернулась в него.

— Господи! — подумала она, изо всех сил стараясь не заплакать от бессилия. — Это ад? Это ад?! Да за что же, за что?

И провалилась в спасительную темноту сновидений. Эта темнота не была угрожающей. Она была мягкой, тёплой и ласковой... и только где-то далеко-далеко, на самом краю этой безбрежной и успокаивающей мглы сна, слышалось далёкое...

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

... шарканье ног?

Глава 11

Сашка

Илье повезло, да! Он так нехорошо упал. Я думал, что он умер и боялся подойти к нему. Но потом всё стало нормально, только на затылке у него шишка и крови чуть-чуть.

Я не люблю, когда кровь.

— И что мы с тобой будем делать без электричества? — спросил Илья. — Хоть костёр разводи.

Мы уже ходили по двору и увидели, что никого-никого вокруг нет, кроме печальных брошенных машин. И туман. Он тревожный. Он тревожный этот туман. Злой. Но я не боюсь, я знаю, что это туман нас боится!

В нём не работают автомобили, застывшие на дорогах, в нём не хочется идти дальше.

Но когда-то (*когда? почему я не могу вспомнить этого?*) мне нравилось идти всё прямо и прямо через облака — не туман! облака! — и ждать, что ещё нового откроется перед изумлёнными глазами?

Но в *этом* тумане не хочется ничего разглядывать. Хочется вернуться домой и развести небольшой костёр на лоджии. Быть может, люди

увидят, как туман окрасился красным, и придут...

Быть может, запах поджаривающихся кусочков курицы привлечёт их?

Я развожу огонь на бетонном полу лоджии. Дым щиплет глаза, поэтому мы закрыли дверь и окно, выходящие наружу. Туман не любит огонь. Он злится и пытается затушить его. Но у него это не получится. Нет, не получится! Огонь весело трещит пересохшим деревом плитусов, которые мы взяли из подъезда, от двери напротив. Сосед будет очень недоволен, но мы расскажем ему, как неуютно было без горячей воды и пищи. Он должен понять, что это было плохо и противно... без живого огня!

Так неудобно перед людьми... пришлось сломать дверь в киоск и набрать там воды в пятилитровых банках. Илья оставил деньги в окошечке, придавив их небольшим камнем.

— Слушай, Сашка, может мы просто умерли? — тихо говорит он, глядя слезящимися от дыма глазами на огонь. — Просто сдохли наконец-то... и это — Чистилище?

Илья с шипящим хлопком открывает банку пива «Балтика-7».

— Чистилище... — мрачно говорит он. — Помнишь этих... которые плакали?

Я помню.

Они были такими печальными и совсем-совсем не замечали нас. Наверное, потому, что они были *там*, далеко, куда нам ещё только предстояло попасть.

Илья очень испугался тогда. Он чуть не упал и я его поддерживал. А два человека стонали и вскрикивали, скованные одними наручниками. Они пытались идти в разные стороны, не понимая, что же дёргает каждого за руку? А потом что-то надвинулось из тумана, и они заплакали, стоя на месте и слепо озираясь.

Илья рвался уйти и мы быстро пошли домой. А стоны утихли.

Но воды и еды мы взяли. И даже водку взяли, да! Илья тогда много выпил, а потом тоже заплакал. Я не знал, что ему сказать и поэтому молчал. А потом он уснул.

Илья

Идти было непривычно. Казалось, туман гасил отдельные звуки, но некоторые, наоборот, становились громче, отдаваясь странным и тревожным эхом. И даже привычное шарканье ног превращалось в какое-то вкрадчивое...

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

...неторопливо догоняющее бредущих путников. Это раздражало. Это было каким-то неправильным. Илья несколько раз останавливался, оглядываясь. Он пытался увидеть хоть что-то в проклятом тумане, но видел лишь стену соседнего дома и ветви тополей, тянущих к ним ветви откуда-то из мутной мглы.

— Нам бы оружие какое-то, что ли... — сказал Илья, после того, как они провели первую ночь. — Опять к киоску безоружными идти — это страху набраться.

Сашка молчал, улыбаясь. Илья уже опохмелился и немного ожил.

— Эх, Сашка, Сашка... неужели не страшно было?

— Страшно было, — эхом отозвался друг. — Тихо.

— Тихо, блин, как в могиле, это точно...

— Ночью плакал кто-то, — вдруг сказал Сашка. — За окном, у самой лоджии, да!

— Ё-моё! Что же ты меня не разбудил? — рассердился Илья. Думать о том, что кто-то был от них в двух шагах — чья-то живая душа, хоть кто-то в окружающем пустом квартале — и не отозваться... — Сашка! Что же ты, несчастная твоя душа, не разбудил?!

— Я вначале испугался, а потом понял, что она не услышит.

— Она?

— Это женщина была. Старая. Она от счастья плакала.

— Ну, Сашка, ты даёшь! — только и смог сказать Илья. — С чего ты взял, что она от счастья ревела, а не от страха?!

— Она сына встретила. А потом они оба ушли.

— Ушли? Куда ушли?

На мгновение Илья представил себе какие-то огромные вертолёты с солдатами, подгоняющими эвакуируемых людей. «Go-go-go!» — кричали они, помогая испуганным женщинам забраться в брюхо ревущей машины, дрожащей от нетерпения взмыть вверх и улететь из этого страшного места.

Впрочем, это уже из голливудского кино или из новостей. Наши бы кричали по-русски: «Давай-давай, живо!» Да и послали бы к нам вертолёты... а? Не припомню, чтобы в городе вертолёты были, кроме одного старенького Ми-2, на котором раз в полгода над городом санэпидемстанция пробы воздуха отбирает.

— Куда они ушли, Саш? — упавшим голосом повторил он.

— Где хорошо. Там им будет хорошо.

— Спасибо за исчерпывающий ответ, — помолчав, язвительно ответил Илья. — Ни хрена от тебя, Сашка, не добьёшься иногда! Хорошо им *где* ?

Где-то, значит, есть люди! Может, у автовокзала? Там залы большие, там эвакупункт можно легко устроить! А, Сашка? Идти туда полчаса...

— Это не место, — мечтательно прошептал Сашка, раскачиваясь на стуле и глядя куда-то вверх. — Это жизнь. Там жизнь, свет, солнце...

Вот и поговорили.

Илья подумал, что Сашка просто пытался объяснить ему о чём-то потустороннем. Чёрт возьми, но тогда они-то с Сашкой где? Если предположить, что они находятся в чистилище, то всё, вроде бы, сходится. Чья-то душа, так сказать, обрела покой и вознеслась с любимым сыном в горние высоты райских просторов, оставив внизу двух грешных инвалидов...

Нет, что-то не сходилось. Не укладывалось в общую картину.

А через некоторое время на улице кто-то горестно завыл. В замкнутом дворе, погружённом в серый туман гуляло перековерканное эхо, будто злобные демоны, кривляясь, шли за душами Ильи и Сашки. Впервые в жизни Илья пожалел, что был в церкви только на отпеваниях отца и матери...

Вой постепенно стих, мучительно долго удаляясь куда-то в сторону центра.

Церковь! Может, там спокойнее?!

А жить как? Разводить костёр у алтаря,

мыться под иконами и бегать писать-какать на паперть?

Да и свято ли место сие? Если уж подумать хорошенько, а? Ближайшая Ивановская церковь по ту сторону Московской горки стоит. Только она одна, пожалуй, с дореволюционных времён и до наших дней, *как церковь* людьми использовалась. Со всего города, бывало, наезжали на Пасху, да на Рождество... это Илья хорошо помнил. Больница-то неподалёку стоит.

А в новых, построенных братанами и олигархами, церквях, отродясь благодати не было... если только есть она на свете, это проклятая благодать!

— В церкви хорошо, — вдруг сказал Сашка, сидящий на полу. — Душа поёт.

Илья понял, что бормотал вслух.

— Там-то, может, и хорошо, да здесь х...ёво! — сердито сказал он.

Откладывать поход было нельзя. Терпеть такой страх просто невозможно! И сейчас они шли к магазину «Охотник», расположенному всего в одном квартале от улицы Серова. Благослови, Господи, семью Васильевых, купивших Илье квартиру именно на углу улиц Фрунзе и Серова! Всё под рукой, всё!

Да только, пожалуй, благодарить Бога Илье

особо и не за что. Умерли все. Исчезли. Сгинули. Остались два убогих...

Сашка, по настоянию Ильи, нёс с собою кухонный нож и молоток. Нож он нёс в руке, а молоток засунул за ремень штанов. Вид у него был, прямо скажем, угрожающим. И то хорошо. Себе же Илья взял баллончик со слезоточивым газом, который как-то купила ему сердитая Ленка. «Пьёшь со всякими дурными алкашами, — заявила она, — у меня всё сердце за тебя болит. Женька этот ваш... нашли с кем якшаться! Бери, хоть, с собой, ладно?»

Язык у Ильи, как бритва, а вот убежать или подраться он не может — увы. Пожалуй, Ленка-то права. И Илья не стал сердиться и забрал баллончик. А Ленку в щёку чмокнул. Она и сердиться перестала. Рада, что брат прекратил мрачным сидеть.

Ну, вот и дошли! Без приключений, что нынче, ребята, просто замечательно в наших местах. Без приключений!

— Ох-хо-хох, да что ж я маленький не сдох! — привычно пробормотал Илья, утирая пот, выступивший на лбу, и закончил. — А теперь уж — не дай Бог!

Любимая присказка отца, когда что-то не ладилось по хозяйству. Не ладилось и у Ильи с Сашкой. Двери, на их счастье, не заперты, не то,

что у соседей или в киосках, но темно в магазине «Охотник», чёрт возьми, темень проклятая! Как же это Илья сразу не вспомнил, что в магазине и в нормальные-то дни полумрак стоял! Витрины зачем-то заклеены огромными глянцевыми постерами, и внутри даже в самые солнечные дни постоянно горели какие-то совсем уж тусклые лампы.

— Знаешь, Сашка, мы с тобою два болвана. Надо было, хоть, свечи взять!

— Свечи, — закивал Сашка.

— Но у нас их нет. Будем в потёмках ковыряться, — сказал Илья и задумался.

Улица Фрунзе — она же старая. Обычная двухрядка с тополями по бокам. Напротив магазина, через дорогу, управление РОВД Ленинского района. У самого входа в магазин небольшой пятачок заасфальтирован, несколько машин припарковано. Может, фары попытаться зажечь? Вон, неподалёку джип раскорячился...

Они уже знали, что на проезжей части улицы стоят автомобили. Этаким стоп-кадр. Ключи в замках, дверцы не заперты. Жаль, Илья за руль не сядет... а Сашка вряд ли водить машину умеет. Во всяком случае, когда Илья спросил его об этом, тот только виновато улыбался, сутулясь. А то неплохо было бы... с ветерком. Выхать прямо на тротуар и дуть прямиком вперёд, чтобы машины не

объезжать! Не объедешь их здесь, нет. Обычная пробка... да только, видать, застыла навеки.

Фары... а что? Почему бы и нет? Уж что-что, а это-то они смогут сделать!

— Ни хрена себе, фокус... — сказал Илья. — Это что же делается?

Машины не заводились, фары не включались. Мать их за ногу, в десятках машин видите ли не то сели, не то вообще иссякли аккумуляторы!!! Не работали два сотовых телефона, найденные на передних сиденьях, не гудели клаксоны... *ничего* не действовало!

— Давай-ка, Сашка, откручивай крышку!

Илья аккуратно макнул в горловину бака ветку тополя, валявшуюся неподалёку, и передал её Сашке. Чиркнув зажигалкой, он отшатнулся, чуть не упав — ветка вспыхнула!

Господи, что же это стряслось со всем миром?! Бензин горит, но машины не работают!

Илья с размаху ударил лыжной палкой по крыше «Мазды».

— Ё...ный в рот! Ё...ный в рот вам всем, сволочи!!!

Сашка аккуратно погасил ветку, притоптав её ногой. Они убили столько времени на всё это... и на тебе.

— Ладно, пошли, — устало сказал Илья. —

Зажигалка есть, а там, может, и свечи найдутся. Рыболовам свечи нужны. Это я только сейчас сообразил...

Илья нечасто заглядывал в «Охотник» по вполне понятным причинам. Вроде, от входа налево продаются разные куртки, пятнистые плащи, армейские майки и прочая одежда... а в витринах прилавка разнообразная рыболовная снасть. Чиркая зажигалкой, он увидел за стеклом набор непромокаемых спичек. Это было уже кое-что! Ого! И керосинка!

Впрочем, обращаться с керосинкой ни Илья, ни Сашка не умели. Ну его, этот сверхсложный агрегат... полыхнёт ещё. Нам только ожогов для полного счастья не хватает. Будем пока переводить соседский стройматериал, два месяца уже загромождавший подъезд, а там видно будет.

Илья представил себе, как они понемногу выламывают железные двери по всему подъезду, крушат мебель на растопку, шарят по чужим ящикам и столам... обвешиваются цепочками и бусами... загаживают потихоньку сортир за сортиром... окончательно сходят с ума...

— Свечи! — улыбаясь сказал Сашка.

Бить стекло молотком не хотелось. Пришлось обойти прилавков и протиснуться к нему со стороны продавца. Свечи были хорошими, горели ярко. На радостях, Илья зажёл сразу штук семь.

Ослепительной иллюминацией это назвать было трудно, но теперь уже не надо было бесперечь чиркать зажигалкой.

— И чего я, дурак, сразу не подумал? Зря столько времени угрохали!

Недолго поколебавшись, Илья начал переодеваться. По ночам прохладно, да и ткань у военных прочная, а мало ли сколько придётся жить одним? Он выбрал хорошие высокие ботинки на толстой подошве, — Сашка помог их надеть и зашнуровать. Окончив переодевание, Илья посмотрел на себя в зеркало, впервые за последние семь лет решившись увидеть себя в полный рост.

— Хорошо! — застенчиво сказал Сашка.

— Точно, — пробурчал Илья. — Труп из-под гусениц танка.

Настроение у него испортилось... впрочем, оно всегда портилось, когда Илья видел себя со стороны. Он терпеть не мог фотографироваться, сниматься на видео... и вообще, хоть как-то видеть себя. Проходя по улицам, он никогда не глядел в зеркальные стёкла витрин, упрямо отворачиваясь от своего неизбывного уродства.

— Переодевайся, Сашка. Денег у нас с тобой на всё это нет, но мы расписку оставим.

«А хорошо бы проснуться оттого, что менты трясут тебя за плечи и орут: «Допился, Илья! Магазин грабанул! Сейчас с нами поедешь, в КПЗ

насидишься, урод паршивый!!!» — ах, как это было бы замечательно!»

Сашка, улыбаясь, неуклюже топтался среди развороченных кип одежды. Наконец-то переодевшись, он подпоясался ремнём, споро прокрутив нужную дырку кончиком ножа, провёл рукой по стриженной голове и вдруг нахлобучил на неё пятнистую армейскую панаму.

— Эх, е...ть твою мать! — с невольным восхищением сказал Илья, присевший в углу. — Десантник! Вылитый десантник, прав был Лёня! Это Прошка тогда проморгал всё на свете.

Сашка виновато потупился.

— Ты чего? — удивился Илья. — Я серьёзно! Когда ты вспомнишь, кто ты такой, сам ещё мне спасибо скажешь.

— Десантник, — повторил Сашка и расцвёл.

— Давай, Сашка, оружие посмотреть... а то мы тут до утра провозимся. Прихвати рюкзак, накидаем туда всего побольше... свечки там, под прилавком, есть ещё? Кидай в рюкзак! Перчатки не забудь, носки. Стирать нам с тобой теперь не придётся! Воды не натаскаемся. Мне тоже рюкзачок прихвати. Ну, двинули? С холодного оружия начнём...

Положим, ножи Илья выбрал неплохие. Устрашающего вида ножи. В ножнах! Нож он подвесил на пояс и заставил Сашку сделать то же

самое.

«Вот щёлкнет у Сашки что-нибудь в голове... он меня этим самым ножом... — прозвучала в голове Ильи холодная неприятная мысль. — Видение-то своё... полусон... помнишь? Уж не тот ли ножик у него в руке был, а?»

Но тут уж Илья сам себя обругал — может, они одни на всём белом свете остались, а ты ещё и добродушного пугливого Сашку бояться вздумал? Какого хрена тогда ты вообще сюда припёрся?

Надо сказать, Сашка стал лучше. И приступов страха у него не было, почитай с самого момента, как мир с ног на голову встал. Ранка над ухом поджила, посохла основательно. И улыбается почему-то чаще... вот, ведь, радость великую вокруг себя обнаружил! «А я, я изменился?» — вдруг подумал Илья. Наверное, да. Некому больше тарашиться на тебя... «по улицам слона водили, как видно, на показ...». Хочешь так ковыляй, хочешь — этак. А можно пройти ещё три квартала до перекрёстка улицы Фрунзе и улицы 8 Марта, как раз с салону «Медтехника», взять там две инвалидных коляски и гонки устраивать. Никто и слова не скажет — некому.

Кроме не то призраков, не то наваждений в тумане...

— В этом деле я, конечно, не силён... — пробормотал Илья, разглядывая тяжёлый карабин

«Сайга». — Экая дура. А пистолеты здесь газовые... и пневматика, судя по этикеткам. Толку-то. Разве холостыми, а Саш? Сигнальные патроны, понимаешь? Хлоп и пук — один лишь звук. Хорошая фраза для рекламы. Дай-ка мне во-о-н ту штуку.

Карабин весил даже больше, чем Илья ожидал. Илья осторожно уселся на хлипкий стул за прилавком и поставил приклад на колено, задрал ствол в потолок. И что? Чего теперь с этой тяжестью делать?

Ага... патроны под прилавком, в коробках... хрен знает, подойдут ли? Чёрт, неловко с одной рукой-то...

— Илья, — неуверенно сказал Сашка, — можно мне?

— Что? Ах, это... бери, Сашка, бери. Тут патроны есть под прилавком, только я не знаю...

Илья не договорил. Сашка протиснулся рядом с ним, вытащил несколько коробок и бухнул их на прилавок.

— Сашка... — невольно отодвинулся Илья. — Ты это... поаккуратнее с патронами.

Сашка не ответил. Он снял со стенда несколько охотничьих ружей и принялся их осматривать. Он переламывал стволы и смотрел сквозь ствол, быстро и ловко проделывал какие-то непонятные манипуляции — видимо проверял

качество. Щёлкал курками, откладывая ружьё в сторону и брал другое. Одно, похоже, приглянулось ему больше других. Он взвесил его на руке, выхватил из коробки несколько патронов и вогнал в казённик.

— Проверить надо, Илья, — застенчиво сказал он.

Илья во все глаза смотрел на Сашку. В полумраке неверного света свечей, в скрадывающих детали одежды пятнах маскировки, Сашка выглядел голодным демоном, дорвавшимся до оружия. Илья чувствовал, что если сейчас Сашке дать в руки автомат, тот разберёт и соберёт его такими же ловкими, почти небрежными движениями, набьёт рожок патронами, установит прицел... в общем, проделает всё, что необходимо, перекрыв общеармейские нормы... или как там это в армии называется.

Сам Илья к оружию относился плохо. Двоюродного брата Рагиля в конце 60-х одноклассник пристрелил из старенького, но надёжного охотничьего ружья. Нечаянно, конечно, ведь всей их компании было по 16 лет и ничем особо хулиганистым они у себя в школе не выделялись. В лес с утра прогуляться пошли, прихватив у дядьки Шагиля централочку с одним-единственным патроном. Уже и домой

собирались, покуролесив и распив бутылочку дешёвого портвейна. Уже и свежие иголки кедра в карман сунули, чтобы у дома пожевать — отбить запах спиртного и табака; уже были в пяти минутах ходьбы от крайнего дома ПГТ Синячихи ... как увидели на верхушке кедра ворону.

Ну, мол, блядство — то ни одной не было, пальнуть не в кого, а то — в двух шагах от дома, зараза, рассиживается! Пальнули бы, конечно... но дом-то, вон он, неподалёку! Услышат, хватятся, сопоставят, ствол понюхают — а там и ремнём. Дядя Шамиль на расправу скор. Не разберёт, свой или чужой. А он как раз со смены вернулся, со стройки, — финны тогда у нас фанерный комбинат строили, — так, наверное, как всегда, с устатку, пока сто грамм не выпил, надерёт задницы так, что мало не покажется!

Вот и решили птицу просто поугатать. Ворона — животное, хоть и хитрое, но... «нет таких крепостей, каких не могли бы взять большевики». Но ворона, сволочь, сидит и не шелохнётся. И целились в неё, — а этого обычно вороны не любят, — и кедровыми шишками, и камнями кидали... да высоко сидит, не докинешь! С досады спортивный азарт разобрал — ты у нас всё-таки полетишь, собака чернозадая! Ну, и стали по кедровому стволу колотить.

Добро бы, взял дружок централочку в руки,

как положено, а то он на уровне пояса, не поднимая, прикладом двинул...

И ушёл весь заряд Равилю в живот. Добро бы дробь... да оказалось — жакан.

Отец из Синячихи с похорон вернулся, выпил водки, позвал всех сыновей, — Ильи тогда ещё не было, — мать на руках Вовку вынесла, взял свою двустволку, положил её на старинную, прадеда ещё, наковальню и молотом — шарах!

А патроны в сортир высыпал. Надо кому — ковыряйся в говне, собирай. И с той поры ни охоту не любил, ни оружие.

Илья эту историю с пелёнок слышал. Да и дед его, старый танкист — от Киева до Праги, через Берлин; в танке три раза горел, полтуловища бугристой коркой ожогов затянуто, — терпеть не мог, когда внуки во дворе дома игры «в войнушку» затевали. «Вы бы ещё в мясозаготовки поиграли, — пыхтел, бывало. — Вот один к одному — война!»

Сам он, как с войны в 1947 году вернулся, так шмон и провёл у сыновей. Тогда на Урал, в частности в Алапаевск, с битой техникой эшелоны за эшелонами шли. Отец говорил, что и танки шли, и самолёты, и орудия всех калибров. Но не сразу же всё в мартен отправлялось — ещё и порезать надо! Вот и тянулись многокилометровые свалки всякого военного железа, ожидающего, когда придут вымотанные бабоньки с ацетиленовыми горелками.

Сторожа вдоль редкой проволоки бродили.

Однако за всем не усмотришь! И было у деда, — тогда ещё пацана, — две немецких винтовки, несколько пистолетов, от «вальтера» до «парабеллума», а также запас патронов и небольших снарядиков всех мастей и неизвестного назначения.

Дед весь этот запас вычислил, сыновьям наподдавал, да и дочкам тоже подзатыльника отвесил — на всякий случай... и разбил на той же самой наковальне весь арсенал. Кроме патронов и снарядов, естественно. Те он просто в болото покидал.

Надо же... как истории, рассказанные в детстве, через всю твою жизнь тянутся...

Глава 12

Анна

Под утро ей приснился сон...

Большая рыжая сука вылизывала своих щенков. Они только что отвалились от неё — сытые, с набухшими животами. Её сосцы были ещё влажными, горячими и душистыми. Полуслепые комочки тихо пищали сквозь сон. От них пахло молоком, шерстью ... беспомощностью.

Вдруг сука подняла голову — она увидела

кого-то там, за гранью сна. Реального, чужого, полного угрозы и злого любопытства. Оскалилась, обнажив розовые десны и желтоватые острые клыки. В горле зарождалось глухое рычание.

Внезапно всё исчезло. Сука зевнула и, положив голову на передние лапы, задремала.

Анна проснулась, но продолжала лежать с закрытыми глазами. «Интересно, мне это всё приснилось... или?..»

Конечно же «или». На кухне, маленькими глоточками прихлёбывая сок и грызя галетное печенье, Анна смотрела в окно — Московская улица по-прежнему была затянута желтовато-серым туманом, сквозь который просвечивал солнечный свет. Это утро, утро следующего дня... или после следующего... или предыдущего... Кто теперь разберёт? Да и есть ли тут кто-нибудь ещё, кто захочет разбираться, есть ли тут вообще кто-нибудь, такой же потерянный... здесь?..

Ей вдруг пришло в голову, что все эти короли и императоры говорили о себе "мы" исходя из одной простой причины — они боялись одиночества! «Господи... *мы* — это всё же — "за компанию". А вот Я — это означает одна. ОДНА!!! И разбираться придётся со всей этой ерундой самостоятельно, голубушка!»

Мысли работали одновременно в двух

направлениях: «здесь» и «там».

Там остался Вовка. Сын...

Совсем взрослый стал. Институт оставил после третьего курса. Свидетельство о неоконченном высшем образовании получил, и... "Всегда успею — потом заочно и платно". Зарабатывает уже неплохо. Скоро съедет на квартиру, наверное. Парню хочется самостоятельности. Это нормально. Анна не считала себя в праве привязывать сына к своему подолу, так же как и не разрешала себе вмешиваться в его частную жизнь. Отношения сына и матери были товарищеские, но пронизанные взаимной нежностью и пониманием... были... *были* ... «Где теперь он... или где я? Нет, об этом лучше не думать... иначе можно просто свихнуться.

Безумная женщина в задубевшем в первый же день сумасшествия белье, пускающая слюни и хохочущая (плачущая?) в огромном городе, где недавно толпилось более полутора миллионов человек... это... это же... Ёлки-зелёные! *Не дожждётся!*»

Кстати, о задубевшем белье — это уже мысли ЗДЕСЬ — неожиданно Анне жутко, просто срочно, сей же момент, захотелось помыться. И что ты собираешься делать дальше, дорогуша? Ну предположим, в холодильнике (превратившимся в обыкновенный кухонный шкаф!) есть ещё два

пакета сока, кусок сыра и немного гречневой каши в кастрюльке. Под тумбочкой — двухлитровая бутылка с отстоявшейся водой для цветов (нет — две ...как хорошо!) сегодня можно прожить. А завтра — жевать сухие макароны и сырую картошку? А пить, а... всё остальное?

Надо смотреть правде в глаза: всё остальное — вот оно, за окном, на улице, в пустующих магазинах, в киосках, там, среди тумана...

Дамочка, дамочка, придётся вам выходить из дому.

Ох, можно я сегодня ещё никуда не пойду? Как там говорила героиня: «Я не хочу думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Можно я побоюсь чуточку сама с собой в своём доме, а не там — на улице, в этом месиве, под пристальным взглядом непонятно чего...кого? Можно я сегодня посплю... или почитаю книжку... или напишу что-нибудь... в покое и тишине?

В тишине. Механические часы на кухне громко тикали. Тик-так, тик-так... Анна завела их до упора, даже не глядя на циферблат. Нужно было делать что-то простое и привычное, какие-то обыденные дела, чтобы не думать ни о чём, чтобы не сойти с ума. Это будет *правильным*...

Намочить полотенце, обтереть всё тело,

надеть свежее бельё, сесть за стол, взять чистый лист бумаги из початой пачки «Снегурочка» и — писать.

Словами.

Вручную.

Строчка за строчкой.

«Немолодая женщина не торопясь, шла по улице, выбиваясь из общего ритма городской суеты, толкотни и нервозности...»

Круг замкнулся...

* * *

Бум-бум, бум-бум!!! — загрохотало по трубе отопления. Анна от неожиданности выронила ручку. Неужели кто-то из соседей? Она метнулась на кухню, схватила первое попавшееся под руку — металлический половник — и беспорядочно заколотила по батарее. «Какой шум я подняла! — мысленно крикнула она сама себе, оглушённая толчками крови в ушах, — мёртвого подниму!»

Мёртвого...

Она прислушалась — ритм ударов не изменился, и не прерывался, несмотря на то, что Анна чуть не снесла несчастным половником кухонную батарею.

Бум-бум...бум-бум...бум-бум...бум-бум...

Это было жутко. Это было...*мёртво* !

*...искать? ходить по огромному дому из
подъезда в подъезд? нет ключей*

...кто-то повесился

*...и теперь стучит по батарее алюминиевым
протезом ноги бум-бум*

...и ждёт ждёт Анну ждёт

...Анну...

Она упрямо стукнула по батарее последний раз и отошла от окна. Нет. Она никуда не пойдёт. Она возьмёт себя в руки и перестанет дёргаться. «Мёртвые — им не нужна помощь. Им нужна дорога, а не общение с живыми!» — бессвязно подумала она и заставила себя сесть за дневник.

Через некоторое время, расписавшись, она вдруг поняла, что стук прекратился.

...

За окном вроде бы начинало смеркаться. Сколько же я писала? Вроде не так уж долго, а день к концу. Часы продолжали мерно тикать, показывая, что прошло не больше трёх часов. Странно...

Сыр уже слегка подсох. Не чувствуя вкуса Анна зажевала последний кусочек. Захотелось пить. Глоток воды из бутылки. Сейчас бы чай, а лучше — кофе. Стараясь не думать о завтрашнем дне, вернулась в комнату и взяла свежий лист бумаги.

Ей показалось, что тот самый липкий взгляд заинтересованно заглядывает из-за спины — что ты там накарябала, глупая? Раздражённо передёрнув плечами, она продолжила свой дневник...

Теперь за окном действительно стемнело. Анна отложила ручку в сторону. Спина просто разламывалась. Кисть правой руки с непривычки ныла. На среднем пальце вздулся пузырь мозоли. Утомлённо закрыв глаза, она видела только строчки, строчки, строчки...

«Хватит на сегодня, — подумала она и вдруг улыбнулась, — ...а это *лучше*, чем я представляла... теперь не так страшно...»

С лоджии было видно, как на улице неуловимо менялись очертания стоящих неподвижно автомобилей, стволы подстриженных тополей казались странными конструкциями из безвременья. В сгущающемся и непрерывно меняющемся тумане (он к вечеру как будто активнее становится?) пару раз мелькнули тени (показалось или...?).

Анна отпила немного сока, с удовлетворением отметила, что стопка аккуратно исписанных листов стала толще, и пробормотала:

— Ну и что? Раз уж мне суждено здесь жить всю оставшуюся жизнь — проживу! Вот завтра с утра пойду за водой... с коромыслом, — вроде с ним ходят, — ага, как в песне...знать бы ещё куда

идти? Ну, ничего — разберёмся, что к чему.

На кухне она умылась над тазиком, кое-как освежилась влажным полотенцем (нет, ну как же хочется помыться!). Часы показывали три часа... то ли дня, то ли ночи — не понять (ходят, как хотят, честное слово!). Свеча на подоконнике горела уютным жёлтым светом.

«Всё сошло с ума, — думала Анна, — засыпая, — всё сошло сума. *С у-ма, с у-ма, с у-ма* — это часы говорят... а не я. А я не боюсь. *Я дома, поэтому — не боюсь...* »

На кухне громко тикали свихнувшиеся часы — *тик-так, тик-так* ... а потом *Ан-на, Ан-на* ...

Она спала, дыша ровно и спокойно. В коридоре появился большой полосатый кот. Неслышно ступая мягкими лапами, заглянул в комнату, принюхался к воздуху, чуть подрагивая хвостом. Потом прошёл мимо Анны, замерев на минуту и разглядывая спящую женщину. Резко развернулся и угрожающе зашипел куда-то в пространство. На кухне кот беззвучно вспрыгнул на подоконник, осторожно отодвинувшись от свечи.

Кот смотрел в окно, но видел лишь смутные тени и собственное отражение. Через час его забрала на руки пожилая женщина в ночной сорочке, погладила по умной голове, зевая, сонно глянула в окно... и ушла вместе с котом на руках в

коридор... где тихо пропала.

Анна повернулась на другой бок, так и не проснувшись.

ЧАСТЬ 2

Глава 13

Илья

— Всё просто, — сказал мне Дмитрий. — По определению просто! Человек может обратиться напрямую к Богу, а мы обрекли себя на то, чтобы обратиться через посредника — Сатану. А он, понимаете ли, до ужаса капризен...

Я знал этого парня по работе. Белокурый, в меру спортивный, в нашей нервной фармацевтической конторе он был самым грамотным, отзывчивым и спокойным. Единственное, что выделяло его из молодёжной толпы офисных работников — врождённая аккуратность, по-моему, слегка смахивающая на манию чистоплотности. Даже сейчас светлая рубашка его была застёгнута на верхнюю пуговицу... в нынешнюю-то жару!

Я относился к нему, как к слегка назойливому, но умному парню, нет-нет, да и втягивающему меня в разговоры на темы, как правило, не

пережёвывающиеся в офисных буднях обычными сослуживцами.

До остановки троллейбуса нам было по пути. Он частенько уходил с работы вместе со мной. Иногда это меня раздражало, но чаще всего я снисходительно излагал перед ним свои соображения по религиозным вопросам, стоя, в общем-то, на атеистических позициях. «Это вам в школе мозги запудрили! — обычно заканчивал я разговор. — Знаний в вас вложили чуток, а туману напустили. Со всеми этими вашими ЕГЭ и законами Божьими». Иногда мне казалось, что Дмитрий вырос в семье баптистов. Иногда — что он представлял собой типичное новое поколение, планирующее свою карьеру, не отвлекаясь на мелочи. А в принципе, мне было всё равно. По возрасту я годился ему в отцы и мне было приятно, что среди офисного планктона есть один из тех, кто по-настоящему относится ко мне с определённым пиететом.

Вчера он предложил мне прийти на вечеринку, посвящённую его двадцатипятилетию. Мимоходом упомянул, что будет много девчонок... что и подвигло меня на согласие. В конце концов, мне хотелось встряхнуться, а среди волнующегося моря девушек всегда находятся любительницы зрелых мужчин.

Мы стояли на лоджии девятого этажа. Под

нами стелились смутно угадываемые в безлунной ночи тёмные крыши хрущёвок. Кое-где слабо светились редкие огоньки окон. Глухую ночь не могла разбудить даже музыка, играющая в комнате, где гости уже отодвинули стол для танцев. Саму комнату не было видно — окно и часть проёма двери на лоджию закрывали тяжёлые светло-жёлтые и гладкие шторы. Рядом с нами, в тёмном углу лоджии крепкого вида подвыпивший парень обнимал дамочку лет тридцати, что-то сладко бормоча её на ухо. Дамочка хихикала и слабо вырывалась.

— Не понял, — машинально сказал я, думая о том, что ловить машину в этом районе будет проблематично... а вот прицепиться к симпатичной молодухе из тех, что выплясывают сейчас в комнате, вполне вероятно. Меня слегка раздражал этот ненужный сейчас философский спор... да и сам спокойный и трезвый, как всегда, собеседник. — Я не расслышал, Дима, что ты сказал?

Он усмехнулся:

— Вы всё услышали правильно.

Женщина рядом слабо вскрикнула. Внезапно я понял, что она не хихикает, а всхлипывает, почти парализованная ужасом. Парень гоготнул. Сквозь музыку прорвался короткий вскрик, перебитый глухим рыком.

Голос моего собеседника становился низким и хриплым:

— Я гляжу, вы уже обо всём догадались...

— Нет, — как можно более твёрдо сказал я, — гадать мне сейчас неохота, а вот домой мне, пожалуй, пора.

Господи! Мне надо будет пройти через всю квартиру!

— Не торопитесь, — прошептал он, вдруг обняв меня за шею одной рукой. Другой он крепко ухватил меня за кисть правой руки и поднёс её к лицу, рассматривая. Он стал выше ростом. Я чувствовал, как вздуваются бугры мышц его тела.

— Учитель, — ласково прохрипел он и укусил меня за суставы пальцев. Дыхание его стало горячим и влажным.

В этом не было ничего гомосексуального. Я чувствовал жаркую вонь его пасти... я старался не смотреть ему в лицо... по моему сомнительному счастью, он прижал меня спиной к ограждению лоджии я мог видеть только меняющийся силуэт его огромной головы, нависающей надо мной...

— Кровь, — пророкотал он, — мясо...

— Дмитрий! — как можно строже сказал я, чувствуя, что вот-вот сорвусь и закричу...

Нельзя кричать, нельзя!!!

— Дмитрий! Слышишь, что я говорю! — в панике я чуть было не произнёс «Плохая собака!», как когда-то, воспитывая своего, не в меру разыгравшегося ротвейлера. — Прекрати! Ну-ка...

Я попытался вырвать руку. Он уже прикусил мне пальцы почти до крови. Один из передних зубов впился в сустав. Было больно, но ещё можно было... *нужно было* прекратить это! Левой рукой я упирался ему в горло... в густую и сальную шерсть.

Он с наглой усмешкой, ещё более обезображиваемой клыками, торчащими, как у волка, из нижней и верхней челюсти, отпустил мою руку, продолжая горячей мускулистой лапой развязно обнимать меня за шею. Пахло псиной и тухлым мясом. В углу булькала разорванным горлом девушка.

— Что мне может помешать? — насмешливо прорычала тварь, откинув когтистой лапой мою ладонь со своего горла. — Ты уже давно всё понял, наставник!

— Я? Я ничего не понял! Я собираюсь уйти!

Я надеялся, что мой голос звучит твёрдо. Откуда-то снизу, из самых глубин моего разума уже карабкалось безумие, хватаясь цепкими пальцами за нервы и жилы, заставляя закипать в венах кровь. Я осознавал, что от меня резко воняет потом... предсмертным потом... и тварь с наслаждением

вдыхает этот запах.

В его лице не осталось почти ничего человеческого. Движения его стали грубыми и бесцеремонными повадками огромного зверя. В комнате Борис Гребенщиков завёл «Под небом голубым». Там уже не вскрикивали. Кто-то хрипел, кто-то с хрустом разгрызал кость. Донёсся почти человеческий смешок и шторы пересекла брызчатая красная струя. В голове у меня бушевал ураган:

...молитва... серебро... молитва... осиновый кол...я ничего не помню!!!

Я не мог вспомнить даже имя *Иисуса* .

— Кол? Мы не вампиры! — сказал Дмитрий, внезапно отпустив меня. — Сегодня мы просто празднуем мой день рождения.

Он снова был спокоен и аккуратен. Глаза его смотрели на меня

...с собачьей преданностью...

с обычным уважением. Он облокотился на перила и мечтательно посмотрел на город:

— Чудесная ночь, просто чудесная! Зря вы уходите! Наташка хотела, чтобы вы её проводили, — он чуть виновато улыбнулся. — Теперь-то, конечно, поздно... она уже *ушла* . Вам

вызвать такси?

— Если можно, — слабо сказал я, стараясь помнить о том, что нельзя у него на глазах вытирать о рубашку облизываемую его пастью руку.

В тёмном углу лоджии тварь поднялась на задние лапы и сгорбившись бесшумно шагнула к нам. Я слышал её дыхание у себя над ухом. Тварь сопела, глухо взрыкивая... а потом чихнула и затылок мне обдало брызгами омерзительно тёплого. На заляпанном каплями крови плече я боковым зрением увидел волокна чего-то красного.

— Ну-ну, — оторвавшись, наконец, от созерцания ночной темноты, укоризненно сказал Дмитрий.

Дыхание над моим ухом отдалилось. Тварь снова принялась грызть труп.

— Зачем такси? Дорого! — сказал, улыбаясь, Дмитрий и снял с моего плеча ошмётки плоти. — Я вас провожу до перекрёстка с Посадской. Там всегда бомбилы толкутся, спокойно договоримся. — Он бросил то, что держал в ладони, в рот, причмокнул и улыбнулся. — Нет, честно, зря вы уходите!

Он повернулся и вошёл в комнату. Гребенщикова сменили старые добрые АСДС.

Надо было идти за ним... или прыгать с девятого этажа вниз, *на асфальт* .

Было настолько страшно, что я не мог даже дышать.

«Я — трус!» — думал я и никак не мог заставить себя стронуться с места...

* * *

Илья проснулся в поту. Сердце бухало так, что глаза изнутри выдавливало. Рот пересох, руки тряслись.

Господи! Ну и сон!

Немного успокоившись, он сел на кровати. Из соседней комнаты доносилось дыхание девчонки. Сашка посапывал на полу, по-детски положив обе ладони под щеку. За плотно зашторенными окнами стояла тишина. Свеча почти оплыла. Надо было зажечь новую... но руки всё ещё ходили ходуном.

Никогда, никогда он не видел *настолько* реальные сны!

Он чувствовал, как понемногу, вместе с кошмаром, из него уходит чужая личность.

— Николай... — прошептал Илья. — Николай Андреевич, начальник отдела закупа... вот как его звали... и он всё-таки прыгнул...

В гробу Илья видал такие сны!!! А уж тем более — от первого лица.

Мёрси

Последнее время судьба колбасила нашу Мёрси не по-детски.

Эх,

Марина-Машенька-Мария-Маруся-Муся-Мёрси!
Дожила ты, дурище, до семнадцати лет, а счастья как не было, так и нет! «Выросла, а ума не вынесла», — говаривает мать. Вот уж точно. В кои-то веки мамашка оказывается права.

Мёрси посмотрела в отверстие дула. Может, нажать на курок... и — всё?

Пистолет был неприятно тяжёлым. От него слабо пахло чем-то кислым, чего не мог перебить даже ненавидимый Мёрси запах машинного масла...

— Брюля, сука ты... — пробормотала Мёрси. — Ненавижу.

За углом снова зашуршали по полу брюки покойника и Мёрси, взвизгнув от страха, рванула по коридору. Лишь бы повезло, лишь бы повезло!

Повезло!!!

Дверь оказалась открытой и Мёрси с размаху вылетела на лестничную площадку. Не удержавшись на ногах, она кубарем скатилась вниз, удивительным образом не переломав себе руки и ноги, и неосознанно сжимая пистолет. Осталось преодолеть только один пролёт. Вот тут места были уже знакомыми. Вниз, вниз!

Мёрси, подвывая от страха, выскочила в вестибюль первого этажа. Как и следовало ожидать, в будочке прохода никого не было. В окошке отдела пропусков смутно виднелась милицейская фуражка, лежащая вверх околышем. На стенде «Их разыскивает милиция» кривились отвратительные хари. У банкомата, раскинув ноги, лежал на спине человек, скрючив руки. Пальцы его судорожно перебирали ткань футболки, собрав её на груди, отчего синий безволосый живот с красными рубцами свежих шрамов выглядел, как шляпка белой поганки.

Мёрси блевала бы прямо на ходу... но было уже нечем.

Она проскочила мимо ног лежащего и с размаху перемахнула через «вертушку» проходной. «Макарка на физкультуре мне бы пятак сходу влепила за такие прыжки!» — мелькнула удивительно неуместная мысль. Мёрси ударилась всем телом в двери, пролетела тамбур, распахнула входную дверь... сделав два шага, по инерции врезалась в ветви голубой ели.

Особенность входа в ГУВД Ленинского района в том и состоит, что вплотную к нему растут густые ели... и выходя из дверей, вам нужно сразу же повернуть направо, иначе вы либо рухнете с метровой высоты бетонной площадки, либо,

подобно несчастной Мёрси, оседлаете колючую ветвь.

Мёрси очумело покрутила головой, поднялась с земли и побежала по подъездному пути к воротам. Ей казалось, что сзади всё ещё кряхтит покойник... а может, распахнув окно второго этажа...

...Мё-о-орси-и... Мё-о-орси-и ...

...смотрит ей вслед мёртвыми побелевшими глазами. И его вялый светло-коричневый член, измазанный засохшей кровью, беспомощно болтается, как перебитый палец. Его брюки волочились за одну штанину, так и не стянутую с ноги. Синяя раздутая мошонка торчала, как инородное тело, наподобие распухшей от выпитой крови пиявки. Разбитые губы тянули своё:

— Мё-о-о-орси-и-и... не будь с-с-суко-ой... я зна-а-аю...

В будке КПП никого не было, но Мёрси протиснулась между створок ворот и побежала через улицу, сама не понимая, куда её несёт. Она даже не чувствовала, что палец её судорожно нажимает на спуск. Побелевший палец неосознанно давил и давил на него... но пистолет стоял на предохранителе.

Она обогнула огромный джип, косо

торчавший в тумане посреди проезжей части и с размаху врезалась в огромного человека, больно ударившись лбом о ствол охотничьего ружья.

* * *

Собственно говоря, если бы не Брюля, в миру Бронислава Пашкова, ученица 11-а класса сто тридцать девятой школы города Екатеринбург, не сидеть бы нашей Мёрси в ментовке, не держать в руках тяжёлый и мерзкий пистолет и не трястись от страха.

А начиналось всё вполне безобидно. Брюля сдёрнула со своего «старого ботинка» Станислава Робертовича (Мёрси всегда считала, что следует всё-таки писать «батынок», от слова «батя») приятную глазу сумму в двести баксов. Правда, баксы были, как всегда, потёртыми и с какими-то чернильными пометками, но всё-таки это были баксы! Старенький «ботинок» чмокнул Брюлю в щёку, явно стесняясь топчущейся рядом Мёрси, и с облегчением укатил на своём джипе. Он опять ушёл от Брюлиной мамашки... что, в общем-то, было неплохо, потому что в такие дни он был щедр со своим чадом. Откупался.

Впрочем, стеснялся он, наверное, не столько только закадычной подружки своей доченьки, сколько её самой. На Новый год, когда Брюля с

Мёрси ввалились к Пашковым домой, наклюкавшись и пославши на три буквы своих ухажёров, покрасневший Станислав Робертович, заехавший в бывшую семью, тоже не решался поднять глаза, когда полногрудая Брюля, окончательно окосев в тепле, задрала юбку и, сверкая подвязками и стрингами, с визгом полезла на стол танцевать стриптиз. Мамашка стянула её со стола, вытолкала в коридор и дала пинка под зад. Мёрси схлопотала подзатыльник. Брюля заорала на мамашку, но та влепила ей пощёчину, обозвав «пьяной скотиной», и уволокла в ванную. Мёрси сочла за благо испариться.

Торопливо одеваясь в прихожей и чувствуя, как голова начинает кружиться всё больше и больше, Мёрси отчётливо слышала, как пьяненькие гости завели базар о том, что, де, ничего страшного, — ещё и не то мы откалывали в годы нашей юности! А корова Ладыгина, сама заторчавшая не меньше, чем Брюля, заявила, что в её семнадцать лет ножки у неё были такими, что мужики из машин вываливались... и не то, что руку и сердце, а все кишки и душу впридачу предлагали.

Станислав Робертович вышел в коридор, отобрал у Мёрси куртку и повёл её прямо в сапогах на кухню. Мёрси не сопротивлялась. Брюлин «ботинок» был не то, чтобы мрачен, но как-то печален. Он усадил Мёрси на табуретку и сунул ей

в руки чашку кофе.

— Если тошнит, то где туалет, ты знаешь, — сказал он и закурил, приоткрыв окно.

— Знаю, — вяло сказала Мёрси. — Извините, мы больше не будем...

— Чисто дети малые, ей-богу, — пробормотал Станислав Робертович. — Напакостите, а потом, как первоклашки: «Мы больше не бу-у-удем!»

— А чего это — «напакостите»? — старательно выговорила Мёрси, с неудовольствием чувствуя, что язык начинает плохо ворочаться во рту и благородного негодования, должного звучать в голосе, не получается. — Мы нич... ничего плохого...

— В ваши годы и мы куролесили, — сказал хмурый Брюлин «ботинок». — И таких девчонок, как вы с Брониславой, в компании у нас тоже было много. Очень неприятно видеть, что такими же... э-э-э... эскорт-девицами становятся моя дочь и её лучшая подруга.

— Вы сами-то... к моей матери бегали... когда мы с Бронькой ещё в третий класс ходили, — негромко, но чётко и ясно сказала зачем-то Мёрси.

Гости орали и топали. Похоже, под ёлкой начались танцы. На улице хлопали ракеты и петарды. Станислав Робертович курил, глядя в окно. Разноцветные огни салюта играли на его лице. Мёрси устремилась в сортир — маленький

сортир у кухни — опередив какого-то гостя, топавшего по коридору в том же направлении...

Итак, всё начиналось хорошо. Правда, пришлось обойти три обменника. Баксы не принимали, даже под комиссию. Не новенькие, видите ли!

— За границей любые баксы принимают! — возмущалась Брюля. — А что, если вас в магазине не будут обслуживать за то, что у вас рубли помятые?

— Девушка, я-то здесь причём? — переходила в оборону очередная смазливая коза за бронированным стеклом. — У нас такой приказ!

Обращаться к своим, из тусовки, не хотелось. Надо было хранить сумму в тайне — это подружки знали твёрдо. Как говорится, жизнь научила! Помыкавшись, они всё-таки поменяли злополучные баксы на рубли, смотавшись для этого к автовокзалу. Комиссия была зверской, но деваться было некуда.

Охранник в задрипанном обменнике положил на них глаз и предложил дождаться окончания его смены.

— А что делать будем? — невинно спросила Брюля.

— Погуляем, *потрахаемся* ! — радостно сказал охранник. Коза за стеклом бросала на него

ревнивые взгляды, отсчитывая деньги.

— У тебя, наверное, большо-о-ой? — артистически хлопала глазами Брюля, изображая невинность и до тошноты напомнив Мёрси картинки из серии, типа: «Русский секс! Девочки ис коледжа трахаются с риальными пацанами!» — которые они с Брюлей, хихикая, напропалую качали из файлообменника сети «Кабінет».

— Большой! — радостно сообщил верзила.

— Како-о-ой? — положив пальчик в рот и вытаращив глаза, лепетала Брюля. Ножки она поставила «козликком», а попу оттопырила так, что стринги из-под юбочки торчали.

— Вот такой! — показывал руками счастливый придурок, пустив заранее слюни.

— Вот и соси его сам у себя, мудила! — заорала Брюля, пулей выскакивая наружу.

На улице подруги ржали, как лошади, покупая «Пепси-лайт» и сигареты «Парламент». Продавец-реализатор, чернявый кавказец, сходу предложил им потусоваться. Подружки кокетливо отказались и поспешили смыться от греха подальше.

К вечеру вся тусня на пустом школьном стадионе основательно надоела Мёрси. Как-то не клеилось повеселиться. Школа заканчивалась, впереди были ЕГЭ и дурацкая, тоскливая взрослая

жизнь. Теперь уже непустишь соплю «дяденька, я больше не буду!», теперь ты самостоятельная, взрослая кобыла...

...отсоси у меня, Мёрси! Я же знаю, ты сосала у Пикачу!

Пикачу — это кликуха. Был такой парень у Мёрси в прошлом году. Так... ничего, конечно, парень... но какой-то невезучий. В армию забрали, представляете, девки? В армию! Маманя его отмазать не смогла. В военкомате сто пятьдесят тысяч запросили, а откуда у неё?

Мёрси хлебнула «Охотника» крепкого», но стало ещё хуже... особенно после уже выпитого. Тоска наваливалась, хоть плачь. Сидеть на коленях у Волкодава было неудобно — жарко. Тем более, что Мёрси щеголяла сегодня в джинсах. Волкодав лапал её и порывался расстегнуть пуговицу, а потом плеснул ей пиво сзади, в джинсы. Шутка юмора такая, понимаете ли. Холодное пиво протекло по крестцу, намочило стринги и образовало мокрое пятно на заднице.

С этого, собственно, всё и началось. Мёрси заорала, все заржали, Брюля поперхнулась дымом и завизжала от восторга. Потом они долго мирились с Волкодавом и зачем-то пили на брудершафт водку

«Зелёная марка»... «На брудершафт только водку! Только водку!»...

Потом Мёрси пыталась объяснить Волкодаву, что от пива на джинсах могут остаться пятна. Потом три раза подряд звонила мамашка, пока Мёрси не отключила телефон.

Потом... потом Мёрси помнила уже какие-то обрывки. Стемнело. Она ревела почему-то... а Волкодав тискал её за грудь, видимо, утешая. Потом Брюлю повели куда-то за трибуны... это уж, как обычно. Потом она, кажется, съездила Чапсу по физиономии... или это был Дрон?

В какой-то момент Волкодав пытался снять с неё жакет, а Мёрси икала и отбивалась. А потом...

А потом Волкодав, он же Волков Алексей, восемнадцати лет, Екатеринбург, Россия, тяжело опираясь на Мёрси ныл в подъезде:

— Мёрси... ну, не будь сухой... Я знаю, мне Пикачу говорил...

Год назад Мёрси пыталась сделать минет Пикачу, видит Бог, пыталась! По-честному. Ей было любопытно... и, в конце концов, девственность она потеряла (идиотское слово — «потеряла») в четырнадцать лет, на даче у Брюлиных родителей, а точнее — на пляже озера Лесное, в двух шагах от дачи...

— Когда это он тебе говорил?

— Он в письме написал... из армии...

— Пикачу... придурок... наврал он.

— Не-е-е... Пикачу сказал, что ты у него отсоса-а-ала... — бормотал Волкодав, покачиваясь вместе с Мёрси.

...Мёрси присела на корточки, Пикачу пыхтел, как паровоз, растёгивая джинсы непослушными пальцами. Мёрси, хихикнув, взяла его член в руку, глубоко вздохнул, открыла глаза... и её вырвало густой струёй. Она окатила и невымытый член Пикачу, и его идиотские нестиранные трусы, и джинсы...

— Пикачу — вонючий козёл, — искренне сказала Мёрси. — Он тебе, Лёша, лапши на уши навесил, а ты и поверил.

— Не-е-е... — гнул своё Волкодав, наваливаясь на Мёрси.

«Опять вся спина будет в извёстке!» — подумала Мёрси.

А потом он обиделся и пошёл домой. Мёрси побежала за ним, — куда ему идти, он же на ногах толком не стоит! Волкодав орал на всю улицу... пока не подъехали менты и не забрали их обоих. В «воронке» менты пообещали Волкодаву «весёлую ночку», а тот только плевался и орал, что, мол, у него папа — депутат Областной думы. «Завтра вы

все, козлы, уже не работаете в ментовке! Понял, ты, долбак недорезанный?!»

Брехня, конечно. У ментов каждый второй, когда его под руки берут, заявляет, что он с Путиным учился и с губернатором водку пьёт, и что завтра все менты гурьбой по миру пойдут... а у арестованного завтра будут ноги мыть и воду пить, а также целовать его в попу до полного изнеможения...

На улице Фрунзе, в ГУВД, Волкодава вежливо уволокли куда-то по лестнице, а хмурой Мёрси весёлый мент предложил отпустить её в обмен на минет. «Помешались вы все на своих минетах!» — зло подумала давно протрезвевшая Мёрси.

— Я просто хотела отвести его домой.

— Да-да-да! Нам тут тьма звонков было. Надоело людям в три ночи битый час слушать вопли: «Ты не хочешь сосать у меня, сука!»

Потом Мёрси сидела в коридоре третьего этажа и её знобило.

А под утро пришёл весёлый мент и повёл её на второй этаж, на свидание с Волкодавом, у которого нашли пакетик «травки», как сказали ей три здоровых мента в штатском. Волкодав, скрючившись, пускал кровавые слюни, лёжа на

полу... видно было, что он обмочился. Заплывший глаз косил. Он дрожал и всхлипывал. В комнате пахло дерьмом, мочой и застарелым табачным дымом. Когда за Мёрси хлопнула дверь, Волкодав вздрогнул и жалобно заскулил.

Пол начал плавно уходить из-под ног...

... эй, эй! а ну, хватит прикидываться!..

... нашатырку давай в обмороке она...

... да ну прикидывается сучка прикидывается сучка...

... сучка...

... прикидывается...

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

* * *

Мёрси проснулась ... а точнее, очнулась, если уж говорить начистоту, — не сразу поняв, где находится. Она сидела на стуле, облокотившись на стол и положив голову на руки.

В кабинете никого не было. За открытым окном смутно виднелась верхушка голубой ели. Туман. Стояла тишина... и только где-то далеко, кто-то брякал чем-то железным. Мёрси сидела бы в кабинете и дальше, но ей очень хотелось по-маленькому.

В коридорах было пусто. Добежав до туалета, Мёрси обнаружила, что из кранов не идёт вода. Нет воды, представляете? Ладно, хоть хватило на смыв. Вернувшись по пустому коридору обратно в кабинет, Мёрси мстительно открыла початую бутылку «Аква-минерале», стоявшую у следователя на столе, и смочила платок. Обтерев лицо, она почувствовала себя лучше.

Волкодав... Лёшка!!! Что они с ним сделали?!

Мёрси испугалась. Ей представилось, что Алексей — *да-да-да!* — умер, забитый тяжелыми ментовскими ботинками... и все-все менты сейчас собрались внизу. Они решают её, Мёрси, судьбу. Она же *свидетель* ! Она свидетель их преступления! Вот-вот они придут и втихую задушат её... а к вечеру труп Мёрси найдут где-нибудь в ЦПКиО имени Маяковского... в кустах, со стянутыми до щиколоток джинсами и стрингами на шее... она будет валяться голая в тумане... и по лицу её, по ногам и животу, будут ползать муравьи, жирные мухи и разочарованные клещи. Или они кусают и *мёртвых* тоже?

Господи, Господи, Господи! Надо бежать! Надо бежать отсюда к чёртовой матери!

Пистолет Мёрси вытянула из ящика стола,

сама не зная, почему она туда полезла. В голове крутились только какие-то обрывки из фильмов-ужастиков. Обойму она запихала в карман курточки, а пистолет попыталась засунуть за пояс... но проклятые джинсы и так-то болтались «на лобке», как говорила мать, поэтому холодный пистолет чуть было не стянул их окончательно.

Держа пистолет в руке, под полой курточки, Мёрси тихо выскользнула в коридор.

Волкодав был там. Он покачивался в полумраке, глядя на Мёрси мёртвыми глазами. На животе и бёдрах его темнели кровоподтёки. Мошонка посинела и страшно раздулась. Из члена, похоже, недавно текла кровь.

— Мёрси-и-и... — прошептал он и пошевелил в воздухе отдавленными скрюченными пальцами. — Мё-о-орси-и-и ...

Анна

Что есть время? Точнее сказать, *невремя* само по себе, а его движение? Люди придумывают хронометры, календари... минуты отсчитывают часы, сутки... день-ночь... времена года... смена погоды, дождь, солнце, ветер. Так жизнь идёт, перетекает из одного состояния в другое...

Что есть безвременье? Покой, остановка, стоп, машина! Вот так как сейчас — здесь. Здесь —

безвременье. Оно чувствуется в тишине, в отсутствии ветра, в странном, неменяющемся, безвкусном запахе этого непонятого города. Листья на деревьях не двигаются, пыль не метёт вдоль замершей улицы. Хотя вроде время как-то движется: ведь на смену сумеречному дню приходит вязкая ночная темень. Но уж очень странно это. Как пелось в песне: "И вечная весна"? Вечный май...

И листья всё-таки растут! Вытянулась трава. И именно там, где она всегда вымахивала по весне. И даже упрямая крапива, которую не могли извести бесконечным скашиванием под лоджией первого этажа, зловеще торчала в полумраке. А как же фотосинтез и прочие мудрёные штучки, о которых так много говорилось на уроках ботаники?

Господи, цветы в тёмной комнате постоянно чахнут, а здесь-то — вечные сумерки! "Этотени того, что живёт где-то там, где светит солнце!" — мелькнула в голове непонятная ей самой, но тревожащая мысль.

Анна заводила механические часы на кухне каждый раз после пробуждения. На циферблат она даже не смотрела. Стрелки показывали ерунду, запутывая и без того непонятные ощущения. Часы насмешливо поглядывали на Анну маленькими выпуклыми циферками, отбивая свой собственный

ритм. Словно капризные злые дети они выкидывали свои фокусы тогда, когда Анна отворачивалась. Иногда ей казалось, что они прокручивают свои стрелки назад, а то и вовсе останавливаются... продолжая назойливо тикать в душной тишине комнаты.

Но Анна всё равно жила по своему внутреннему времени! Часы ей были нужны для того, чтобы слышать хоть какой-то привычный звук из прошлого. Тиканье часов — это голос её дома. Сколько прошло дней (ночей?) по большому счету — даже неважно!

Как странно всё же... на смену страхам пришло непонятное состояние неизбежности происходящего. И... пожалуй, впервые за многие годы, Анна почувствовала, что свободна от всех обязательств — никому ничего не должна... работа, деньги, зависимость от существующих условностей — всё исчезло... простой процесс ЖИЗНИ, простые цели: вода, еда, сон, чистота, спокойное течение мыслей, лежащихся строчками на бумагу. Не об этом *ли мечтала* всю жизнь? — вырваться из тисков этих страшных слов "ты должна"? Иногда она чувствовала себя почти счастливой.

Обо всём этом Анна размышляла сидя на маленькой скамеечке посреди детской площадки во дворе. На одиноком американском клёне

распустившаяся зелень радовала глаз: майские листочки, ещё не потемневшие от пыли и неотмытые дождями от жёлтой клейкости распустившихся почек. Эти клёны всегда выпускают листочки позже других городских деревьев.

Сегодня было почти солнечно. Во всяком случае, нечто похожее на солнечный свет пробивалось сквозь затянутое неподвижной дымкой небо. Потрескивали дрова. На краю невысокого мангала в уже закоптившейся кастрюльке варился суп из тушёнки с перловкой. Рядом, над побелевшими углями, на шампурах пеклись небольшие картофелины.

Из глубины двора — со стороны детского садика, до середины окон окутанного плотным туманом, — к мангалу подошёл большой добродушный пёс. Он смотрел сквозь Анну, но как будто прислушивался к её присутствию. Они встречались не первый раз.

— Привет! — Анна протянула ему банку, в которой осталось ещё немного тушёнки. — Ты не будешь, я знаю. Ты же меня не замечаешь, — или не видишь? — но я всё равно тебе рада. А знаешь, у меня всё получается! Я думала, что не получится, а — смотри — всё-таки кое-что могу, да?.. А что тут такого сложного? Сходила с супермаркет — воды вот натаскала в пятилитровках — там ещё

полным-полно осталось. Консервы всякие, деликатесные даже! Крупа, макароны, сок, газировка... Представь, на сколько мне тут хватит! До конца жизни, да... до конца... или до начала. Может я уже умерла? Ты не знаешь, собака?..

Пёс вальяжно уселся возле ног Анны, по-прежнему игнорируя её присутствие.

— Вот смотри — полевую кухню себе устроила. Не в квартире же костры разводить?! Да, я всё могу, а куда деваться-то?

...Шок после внезапного развода с мужем подкосил Анну. Целый год она жила как в тумане. Механически выполняла работу в офисе и по дому, старалась больше внимания уделять сыну (на которого, кстати, уход отца не произвёл большого впечатления) Помимо того на неё свалились чисто бытовые проблемы и материальные трудности. Помощь мужа деньгами была ничтожной, а потом и вовсе прекратилась. А уж что касается всего остального — Анна вообще никогда не дружила с техникой и электроникой. А уж в том состоянии у неё вообще всё валилось из рук! Протекающий кран и нагревающаяся розетка становились настоящей проблемой. Приходилось приглашать мастеров по объявлениям, платить им деньги за смешную работу. Периодически отваливающиеся кафельные плитки в ванной Анна прилепляла на место

универсальным клеем "Момент" из тюбика...

Господи, неужели это всё было когда-то? И ведь что получается? — Тогда она умудрялась всё делать сама, как-то справляться с ежедневными проблемами. А сейчас куда деваться-то?

Нет, не поддаваться воспоминаниям. Жить сегодняшним днём. Существует только сегодня, сейчас, вот этот двор, готовящийся обед, вечером — стопка листов, тиканье часов — и это правильно...

Анна рассмеялась, вспомнив свой первый поход за самым необходимым. Пёс поднял одно ухо и слабо тьякнул. Он смотрел куда-то в сторону, в туман.

— И нехихикай , — сказала Анна. — Это было страшно!

* * *

Конечно — страшно и даже жутко. Но — последний стакан воды она мужественно вылила в горшок с жасмином и решилась.

Анна шла строго посередине улицы, держась подальше от туманных сгустков, которые (похоже на то!) тоже не проявляли к ней большого интереса. Такой своеобразный нейтралитет: ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя. Нервно усмехнувшись,

Анна вошла в помещение супермаркета. Вот оно — решение проблем: море продуктов, напитков, воды, всяких нужных вещей. Мясные и колбасные изделия — лучше не рисковать, а вот консервы и сырые овощи — это хорошо. Вместительные тележки на колесиках — можно загрузиться и прикатить прямо к подъезду.

И всё бесплатно, без ограничений. Чем не жизнь?! Темновато только... но нам теперь не привыкать.

В центре зала громоздилась майская выставка садового-огородно-туристических товаров. Ух, ты! Это то, что надо! Анна придирчиво выбрала невысокий складной мангал, комплект шампуров, готовые дровяные поленья. Если на мангал сверху положить решетку для барбекю — то на неё можно поставить кастрюлю. Чем не плита? Что ещё? Ах, да — уголь и (отличное решение!) походные спички — такие длинные в большой коробке. Вот и замечательно. Даёшь обустройство быта в новых экономических условиях! (надо же, я ещё и шутить могу?)

Рядом Анна увидела небольшой садовый прудик — искусственную ёмкость причудливой изогнутой формы размером... да примерно два на полтора метра, почти доверху заполненную водой. На поверхности плавали искусственные кувшинки и детская пластиковая уточка с наивно-хитроватым

взглядом круглых глаз. Анна задумчиво попробовала воду рукой — а ничего... не холоднее, чем летом в озере.

...Ты, Анечка, следи — самое главное, чтобы голова, да задница чистыми были! — говорила бабушка, лукаво улыбаясь и ошпаривая кипятком скамью в бане. — Что "от сюль — до сюль и от сюль — до сюль" — мужик тебе простит, — сам, как правило, не шибко большой чистюля. А вот волосы и это самое... это — да! Это — чистым должно быть.

Кто бы ей раньше сказал, что можно испытать наслаждение зачёрпывая прохладную воду и моясь без мыла и мочалки, сидя нагишом в пластмассовой "корыте", предназначенном для дачного участка какого-нибудь продвинутого садовода? И плевать было на сверхъестественное подглядывание из-за спины, и на клубы тумана на улице, и на таинственную пустоту огромного зала суперсовременного супермагазина.

Ах, водичка!!! Анна зажмурила глаза и погрузилась в воду вся, целиком, как в ванной. Хорошо, что здесь не плавают золотые рыбки. Их было бы жалко... а так — хорошо!

А потом она (в чём мама родила!) неторопливо прогулялась до соседнего ряда с

банными принадлежностями, выбрала большое махровое полотенце и халат. И ещё долго сидела на складном стульчике рядом с прудиком, вытирая волосы и размышляя о том, что всё-таки происходит.

* * *

— И вот, представляешь, — я каждый день теперь после завтрака хожу в этот магазин. Это прогулка у меня такая, и персональное купальное место имеется. Вот только вода уже не очень свежая, хотя я оставила запас в вёдрах и тазике и теперь в тазике моюсь, а мыльную воду на улицу выливаю. Да... А ты живёшь в подсобке в киоске, правда? Там всегда закрыто, — ты выходишь сквозь стену и гуляешь, где вздумается. Ищешь кого-то, или просто так?

Какое-то ощущение легкого дружелюбия коснулось кожи Анны. Пёс лениво поднялся, потянулся, припадая на передние лапы, и пошёл по направлению к старому тополю.

— Ничего, ты вернёшься, я знаю, — сказала ему вслед Анна. — Они — вы — все возвращаетесь, время от времени, или кто-то новый появляется. Но я совсем не боюсь. Мне даже жалко всех — им страшно, и меня не замечают, а я — вижу и не боюсь. Я же дома — поэтому НЕ

БОЮСЬ!!!

Первой была девочка лет десяти в детском ситцевом купальнике, стоящая на углу дома. Анна кинулась к ней, на секунду представив: вот они — привычные заботы, радость, хлопоты быта, разговоры вечерами, счастье, защиту, жизнь! — ребёнок повернулся и — девочка освещена ярким солнцем! Вокруг сумрачная тень, а у неё лучи золотятся в волосах, отблёскивают в глазах! Девчушка прикладывает ладошку ко лбу, щурится, смеётся и бежит. Мимо Анны, не замечая её. Бежит куда-то...

...Оля! Вернись, вода холодная... мы уже собираемся уезжать!

...мама! я ещё разочек окунусь... ещё разочек... ещё один... последний разочек... последни-и-ий...

Это было жутко, страшно, безнадёжно и... совершенно реально... и так чуждо — здесь!

Женщина с потерянным взглядом, измотанная жизнью, разочарованная, измученная в стареньком домашнем халатике. Смотрится в витрину, расчёсывает изрядно поседевшие волосы щёткой.

Ах, если бы я была лет на десять моложе... Я

всё сделала бы иначе, и он любил бы меня по-прежнему, и мы были бы счастливы... Жизнь так пуста...

Анна сочувственно гладит женщину по плечу, но та ничего не замечает.

Старик с трясущейся головой, мерзкий на вид, франтовато и совсем уж старомодно одетый. Почему-то в соломенной шляпе с низкой тульей. Солома нелепо торчит сбоку колючими иголками. Шаркая ногами, прогуливается вдоль по Московской улице, самодовольно ухмыляясь и постукивая тросточкой.

...девочки мои...такие сладенькие, аппетитные...длинные ножки, упругие попки, податливые грудки, розовые ротки...как люблю девочек...двоих, троих сразу...Деньги... я дам много, много денег...для вас этобольшиеденьги, а для меня...девочки всё сделают за деньги...всё, что захочет папик, сделают мои сладенькие...как захочет, сделают...блондиночки...черненькие...рыженькие...

Гадливая похоть захлёстывает Анну, и она старается держаться от старика подальше и не слышать его бормотания. Как хорошо, что ему нет

никакого дела до неё!

Молодая пара — красивая, счастливая. Новенькие обручальные кольца блестят, пальцы рук крепко переплетены. Они всегда сидят рядом где-нибудь — на скамейке, на бордюре, просто на траве. И всегда смотрят друг другу в глаза. Через плечи перекинута ремни безопасности самолётных кресел.

...Ты любишь меня? — Да, а ты? — Конечно да! — Я так боюсь летать! — Ничего, милая, всё будет хорошо! — Мы всегда будем вместе? — Да, всегда, родная! — Вечно? — Вечно! До самой смерти. — Не говори так! — Нет, не буду, просто будем рядом вечно... вечно... вечно...

Любовь, восторг, счастье, рев турбин, свист падающего лайнера... Они сидят рядом, вдвоём и им нет дела ни до кого. Анна с нежностью смотрит на молодых, и проходит мимо. Зачем мешать?

Неясные мимолётные тени, неожиданно появляющиеся то тут, то там. Они живут искорками своей жизни... сполохами. Анна пытается уловить их настроение и мысли, чтобы потом (вечером, при свете свечи!) перенести их на бумагу. Но всё настолько смутно, что иногда она задумывается — не её ли это мысли, придуманные в бреду